СТЕФАН КЛАРК

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ:

МЫ ЛЮБИМ НЕНАВИДЕТЬ ДРУГ ДРУГА

Стефан Кларк

Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга

«РИПОЛ Классик»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Кларк С.

Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга /
С. Кларк — «РИПОЛ Классик», 2010

ISBN 978-5-386-05166-2

«Почему между французами и англичанами сложились отношения, так напоминающие любовь, от которой до ненависти один шаг? С любовью все понятно: что бы мы ни говорили на публике, мы находим друг друга невероятно сексуальными. С ненавистью проблем куда больше». Стефан Кларк Анализируя историю англо-французских отношений, влюбленный во Францию британский писатель делает интересное открытие: одни и те же ключевые события рассматриваются соседями по Ла-Маншу с диаметрально противоположных берегов. Пытаясь с истинно британской педантичностью (и щедрой долей иронии) восстановить историческую справедливость, Стефан Кларк прекрасно понимает, что вызовет у французов немалое раздражение. Поэтому заранее извиняется и предупреждает, что тысячелетняя история обид еще не окончена…

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-05166-2

© Кларк С., 2010
© РИПОЛ Классик, 2010

Содержание

Вступление 7
Глава 1 8
Глава 2 25
Глава 3 36
Глава 4 57
Конец ознакомительного фрагмента. 65

С. Кларк
Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга

STEPHEN CLARKE
1000 years of annoying the French
Copyright © Stephen Clarke, 2010
Cover design © Ruth Murray, 2012
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

***

Стефан Кларк – британский журналист и писатель, однажды приехавший в Париж и таким образом определивший свою судьбу. Его книги – гремучая смесь типично британского юмора и сугубо галльской иронии: очень реалистично, очень метафорично и очень познавательно. Этот влюбленный во Францию британец чрезвычайно забавно – и совершенно по-французски – пытается уверить себя и нас в том, что нисколько не любит свою новую родину. Но каждый раз добивается противоположного эффекта!

«Французы рассматривают историю сквозь призму триколора и обвиняют бриттов во всех неудачах, когда-либо постигших Францию. Иногда они совершенно правы, но зачастую счастливо заблуждаются, и я попытался восстановить историческую справедливость.

Я отдаю себе отчет в том, что любая книга, которая представит взвешенный исторический анализ, вызовет у французов немалое раздражение. Поэтому прошу прощения, Франция, но тысячелетняя история взаимных обид еще не окончена…»

***

Стефан Кларк – британский журналист и писатель, однажды приехавший в Парих и таким образом определивший свою судьбу. Его книги – гремучая смесь типично британского юмора и сугубо галльской иронии: очень реалистично, очень метафорично и очень познавательно. Этот влюбленный во Францию британец чрезвычайно забавно – и совершенно по-французски – пытается уверить себя и нас в том, что нисколько не любит свою новую родину. Но каждый раз добивается противоположного эффекта!

«Французы рассматривают историю сквозь призму триколора и обвиняют бриттов во всех неудачах, когда-либо постигших Францию. Иногда они совершенно правы, но зачастую счастливо заблуждаются, и я попытался восстановить историческую справедливость.

Я отдаю себе отчет в том, что любая книга, которая представит взвешенный исторический анализ, вызовет у французов немалое раздражение. Поэтому прошу прощения, Франция, но тысячелетняя история взаимных обид еще не окончена…»

***

«Это во французском характере – преувеличивать, жаловаться и все искажать, если чем-то недоволен».
Наполеон Бонапарт, император Франции

«В Париже они просто таращились на меня, когда я обращался к ним по-французски. Мне так и не удалось заставить этих идиотов понять свой родной язык».
Марк Твен

Вступление

На лекциях и в ходе бесед меня чаще всего спрашивают: почему между французами и теми, кто имеет наглость считать английский родным языком, сложились отношения, очень напоминающие любовь, от которой до ненависти один шаг?

С любовью все понятно: что бы ни говорили на публике, мы находим друг друга невероятно сексуальными. С ненавистью проблем куда больше. Для начала хочу пояснить: все-таки это не столько ненависть, сколько недоверие. Но откуда ему браться, тем более в наши дни, когда в западном мире все вроде бы успокоилось?

Всем хорошо известно, что это недоверие уходит корнями в нормандское завоевание Англии, Азенкур[1], Ватерлоо и прочие неприятности, но меня заинтересовало, почему оно не исчезло. В конце концов, большинство наших баталий остались в таком далеком прошлом, что они уже не могут влиять на настоящее, не так ли? Вот почему я решил покопаться в прошлом и поискать там более точный ответ.

Теперь, завершив работу над книгой, я понимаю, откуда исходит нескончаемая напряженность в наших отношениях. Дело в том, что наша история – это вовсе не история. Все происходит здесь и сейчас.

Уильям Фолкнер имел в виду американский Юг, когда заметил: «Прошлое никогда не умирает. Оно даже не проходит». То же самое можно сказать и об англичанах с французами: что бы мы ни пытались предпринять в настоящем, прошлое всегда догонит и напомнит о себе звонкой пощечиной.

Приведу самый простой пример: когда в 2003 году Франция отказалась участвовать в военной акции против Ирака, американцев обуяла исторически сложившаяся неприязнь к французам: «Какая неблагодарность, и это после того, как мы освободили их в тысяча девятьсот сорок четвертом, и всего остального!» Британцы не замедлили присоединиться к этим воплям возмущения, добавив несколько собственных шуток о любовных похождениях Наполеона. Французы между тем ничуть не раскаивались в отказе: «Этих американцев хлебом не корми, дай только вторгнуться куда-нибудь. Они ведь и Голливуд придумали только для того, чтобы вести наступление на нашу древнюю французскую культуру, – и кстати, не забывают ли они о том, что именно мы помогли им во время их революции тысяча семьсот семьдесят седьмого года?» Конечно, спор этот разгорелся вовсе не вокруг свержения средневосточного диктатора – это взрывались заложенные историей мины.

Работая над книгой, я сделал интересное открытие: наши версии одних и тех же событий предстают в диаметрально противоположных ракурсах. Французы рассматривают историю сквозь призму триколора и обвиняют во всех неудачах, когда-либо постигших Францию, британцев и американцев (после 1800 года). Иногда французы совершенно правы – в прошлом мы причинили им немало бед, – но зачастую наивно заблуждаются, и я попытался восстановить историческую справедливость.

Я отдаю себе отчет в том, что любая книга, автор которой представит взвешенный анализ исторических событий, вызовет у французов немалое раздражение. Поэтому прошу у тебя, Франция, прощения, но тысячелетняя история взаимных обид еще не окончена…

Стефан Кларк, Париж.

[1] Близ селения Азенкур 25 октября 1415 года в ходе Столетней войны войска английского короля Генриха Пятого разгромили большее по численности французское войско. – *Примеч. пер.*

Глава 1
Когда француз совсем даже не француз?
1066 год: нормандцы пересекают Ла-Манш, чтобы вдохновить англосаксов на тысячелетнюю вражду с французами

Французы очень гордятся тем, что были последними завоевателями Британских островов. Гитлер так и не смог пробраться дальше Кале, испанская «Непобедимая армада» вернулась домой побитой, и даже их собственному Наполеону удалось высадить на британскую землю лишь жалкую горстку потрепанных солдат. С другой стороны, Вильгельм Завоеватель не только вторгся в Англию, но и захватил всю страну и превратил ее во французскую колонию.

Однако французская версия этого исторического события, как и в случае со многими другими французскими версиями исторических событий, грешит неточностями. Или, если уж называть вещи своими именами, она практически во всем неверна.

Для начала внесем ясность: нидерландец Вильгельм Оранский успешно высадился в Британии с армией в 1688 году. Но эту акцию, совершенную без пролития крови, можно рассматривать скорее как ответ на мольбы бриттов прийти и спасти их от самих себя, но не как вторжение неприятеля в страну.

Впрочем, куда более важное другое. Если внимательно изучить факты Нормандского завоевания 1066 года, станет очевидно, что Франция, присваивая себе лавры последнего завоевателя Британских островов, очень сильно лукавит. Может показаться, что чересчур сурово начинать книгу с разоблачения одной из ключевых идей коллективного исторического сознания французской нации, но это необходимо сделать…

Полцарства за… скандинава[2]

До 1066 года жителей территорий, которые сегодня мы именуем Британией, волновали вовсе не вопросы типа «Получу ли я достойную пенсию?» и «Потяну ли я ипотеку?». Их тревоги сводились к напряженному ожиданию, когда из-за моря нагрянут полчища бандитов с топорами насиловать их женщин и воровать скот, – или наоборот, в зависимости от того, какое племя викингов предпримет набег.

Если люди не умирали голодной смертью из-за неурожая или мародерства, если им удавалось вовремя собрать урожай и съесть его, жизнь казалась райской. И они, чтобы наслаждаться этой роскошью, прежде всего нуждались в сильном короле. Том, кто душил бы их непосильными налогами, но при этом давал возможность жить подольше, чтобы платить эти самые налоги, – фактически, такую же политику проводят современные правительства.

В девятом веке в Британии был такой король, и звали его Альфред. Имея в своем распоряжении постоянный флот и хорошо обученную армию, он успешно защищал Англию – во всяком случае, ту часть, которой он правил и которая находилась южнее нынешних центральных графств, – от набегов викингов. Альфреда даже прозвали Великим, потому что благодаря нему эти рейды превратились для викингов из зверской охоты за добычей в походы, чреватые верной смертью.

---

[2] В оригинале *My kingdom for a Norse*. Автор обыгрывает слова *My kingdom for a horse* (в русском стихотворном преводе Я. Г. Брянского: «Полцарства за коня!») короля Ричарда из трагедии Шекспира «Король Ричард III». – *Примеч. пер.*

Все кончилось тем, что викинги, понятное дело, раздраженные потерей внушительной доли своих доходов, решили направлять свои корабли чуть южнее и грабить Францию, где было чем поживиться, причем без особых усилий. Добыча оказалась настолько легкой, что викинги устроили по всему французскому побережью свои базы – нечто вроде мародерских курортов, – откуда совершали набеги вглубь страны. Вскоре регион настолько лихорадило, что королю Франции пришлось уступить этим «ребятам с севера», дабы утихомирить их, довольно большой кусок своей территории. И в 911 году эти земли официально стали Страной нормандцев, или Нормандией.

Короче говоря, Нормандия обязана своим существованием англичанину, который отвадил мародеров от набегов на Британию, заставив их взять курс на Францию. Многообещающее начало.

В те времена владения французских королей занимали территорию нынешней Франции и, напоминая лоскутное одеяло, состояли из легкоуязвимых герцогств, правители которых едва могли удержать собственные земли, не говоря уже о том, чтобы вторгнуться в чужие. На самом деле эти короли не называли себя французскими даже спустя почти сто лет после смерти Вильгельма Завоевателя, вплоть до 1181 года, когда Филипп Август впервые начал титуловать себя *rex Franciae* («король французов»), перестав использовать титул *rex Francorum* («король франков»).

И когда один из королей франков все-таки попытался подчинить себе беспокойных нормандцев, это обернулось полной катастрофой. В 942 году герцог Нормандский, грозно именовавшийся Вильгельм Длинный Меч, был убит, и ему наследовал десятилетний сын Ричард. Узнав об этом, король франков Людовик IV решил напасть на Южную Нормандию и захватить Руан, важный речной порт на полпути между Парижем и побережьем. Но юного Ричарда поддерживали могущественные члены клана – Бернард Датчанин, Харальд Викинг и Сигтрюгг Король Моря, так что вторжение утонуло в слезах франков. Людовик был взят в плен и освобожден лишь в обмен на заложников – одного из собственных сыновей и епископа. Короче говоря, нормандцы ясно дали понять, что не испытывают никаких симпатий к франкам, бургундцам и лотарингцам, так же как и ко всем остальным жителям страны, которой суждено было в один прекрасный день стать Францией. Они хотели, чтобы их оставили в покое.

Напрашивается вполне очевидный вывод: что бы ни говорил вам современный парижанин, нормандцы вовсе не были французами. Назвать французом нормандца десятого или одиннадцатого века – все равно что принять шотландца за англичанина, – такая ошибка в Глазго и сегодня может стоить вам разбитого носа.

На самом деле нормандцы считали франков шайкой безвольных парижан, которые вели себя как хозяева континента, а потому следовало пинками возвращать их домой, если они забирались слишком далеко от своего снобистского городишки. (Подобное отношение, кстати, с десятого века не так уж сильно изменилось.)

Франки в свою очередь презирали нормандских герцогов, видя в них опасных северных варваров, которые живут лишь охотой и войнами и практикуют языческую полигамию, окружая себя ордами любовниц и плодя незаконнорожденных детей.

Франки были совершенно правы, и именно в такой среде родился Вильгельм.

Вильгельм был бастардом

Поразительно, но будущий Завоеватель имел незавидно низкое происхождение. Поначалу, разумеется, Вильгельма не величали Завоевателем. Зато другое прозвище, Бастард, приклеилось к нему практически с рождения. Его не состоявшими в браке по христианскому обряду родителями были Роберт, младший брат правящего герцога Нормандского, и краси-

вая девушка из маленького нормандского города Фалеза, которую в исторических книгах именуют по-разному. Во французских источниках она проходит как Херлева, Харлотта, Херлетта, Арло, Аллаива и Беллона[3].

История знакомства юной девы с Робертом тоже преподносится по-разному. В 1026 или 1027 году она то ли мыла шкуры в реке, то ли танцевала, а может, проделывала то и другое одновременно, когда через селение Фалез ехал верхом на лошади Роберт, направляясь в свой тамошний замок. Ему на глаза попалась милая девушка (давайте назовем ее Херлева, исключительно ради удобства произношения), и он тотчас стал планировать то, что его современники называли «датским браком», а мы сегодня попросту называем сексом.

По англосаксонским легендам более позднего времени, вероятно сложенным с целью позлить нормандцев, Роберт похитил Херлеву. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что он все-таки сходил к ее отцу, местному дубильщику, и поставил его в известность о своих планах. Отец Херлевы пытался настаивать на свадьбе, но Роберт отказался – главным образом потому, что девушка была не совсем аристократкой: кожевенных дел мастера стояли на низшей ступени сословной лестницы. Шкуры обрабатывали смесями из мочи, животного жира, мозгов и навоза (кстати, очень ценным сырьем считалось собачье дерьмо), так что от дубильщиков несло еще сильнее, чем от чистильщиков выгребных ям.

Однако свадьба вовсе не составляла проблему. Нормандских рыцарей никто не обязывал вести под венец своих избранниц, поэтому Херлеву отмыли от кожевенных запахов и уложили в постель к Роберту в его кремово-белом замке, где она стала его *frilla*, или местной любовницей.

Вскоре после этого старший брат Роберта, нормандский герцог Ричард, напал на Фалез и захватил замок (воинственные нормандцы частенько проделывали такие штуки со своими братьями). Чрезвычайно довольный собой, Ричард вернулся в свою штаб-квартиру в Руане, где очень быстро скончался при загадочных обстоятельствах, что было тоже в порядке вещей для нормандцев, особенно если они раздражали таких честолюбивых парней, как Роберт.

С присущей ему скромностью Роберт присвоил себе титул герцога Роберта Великолепного и истребовал обратно замок в Фалезе. И именно там, в конце 1027 или в начале 1028 года, Херлева родила ему сына. Французы знают этого младенца как Гийома, но даже французские историки признают, что настоящее имя новорожденного все-таки ближе к английскому Вильям, да и ковер из Байё[4] присваивает ему имя с явно нордическим звучанием: Вилельм.

Весь ход истории, казалось, с пеленок готовил этого маленького бастарда к его будущей роли завоевателя Англии. В 1035 году Роберт, который так никогда и не женился, объявил Вильгельма своим наследником, что определенно шокировало – ну, или, во всяком случае, привело в замешательство – нормандцев. Вот что говорит французский историк Поль Зюмтор в своей биографии Гийома: «…нигде больше в христианской Европе бастард не мог быть допущен к трону».[5] Мальчик Вильгельм был отослан на жительство к своему кузену, где его стали воспитывать в духе воинственного герцога.

Вскоре он приобрел репутацию очень серьезного молодого человека, а его единственными слабостями были охота и фокусы. Он никогда не напивался за столом, употребляя не больше трех бокалов вина (еще одно доказательство того, что его нельзя назвать истинным французом), и у него начисто отсутствовало чувство юмора. Однако он виртуозно оскорб-

---

[3] Французы чаще запоминают не имя девушки, а ее внешность. – *Здесь и далее без пометы о принадлежности приводятся комментарии автора.*

[4] Ковер из Байё – памятник раннесредневекового искусства. Вышивка на льняной ткани при помощи шерстяных нитей разного цвета. Это «сценическое действо» свыше 70 м в длину и 50 см в вышину воссоздает историю завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем. – *Примеч. пер.*

[5] Хотя, конечно, с тех пор немало бастардов занимали монарший престол в европейских странах.

лял других, причем особенно крепко доставалось тем, кто имел неосторожность пройтись насчет его низкого происхождения.

Когда Вильгельму исполнилось двадцать четыре года, он решил упрочить свое политическое положение достойной партией. Старомодный «датский брак» его не устраивал, и он сделал предложение Матильде (так зовут ее французы), или Маё (что больше похоже на ее настоящее имя), дочери графа Фландрии и внучке правящего короля франков.

Однако Матильда не разделяла страстного желания Вильгельма и публично объявила о том, что не хочет выходить замуж за бастарда. Но Вильгельм ни одному человеку не спускал оскорблений в адрес своей матери, поэтому он тотчас оседлал коня и рванул верхом из Нормандии в Лилль, до которого было четыреста километров; он пересек долину Сены, оставил за спиной болотистые берега Соммы, все дальше углубляясь в потенциально опасные владения короля франков. Наконец после нескольких дней в седле, и уж, конечно, не отвлекаясь на остановки, чтобы освежиться или купить цветы, Вильгельм ворвался в замок графа Фландрии, швырнул Матильду на землю и, по легенде, «шпорами изорвал на ней платье», что, пожалуй, нельзя назвать метафорой «любезного предложения выйти за него замуж». Очевидно, высокомерная молодая леди «поняла, что наконец-то встретила своего хозяина, и согласилась на свадьбу».

Ее отцу, вероятно, тоже пришлось изменить свое мнение. Когда нормандец вторгается в твой замок и силой берет твою дочь, это более чем прозрачный намек на то, что подобное может произойти и в остальных твоих владениях. К тому же Вильгельм собственной персоной служил живым воплощением своего политического влияния: мускулистый мужчина ростом пять футов десять дюймов[6], он был гигантом для своего времени, уже имел опыт нескольких военных кампаний и, определенно, являл собой человека большого будущего. Короче, неплохой кандидат в зятья.

Лишь одна загвоздка мешала воссоединению пары. Вильгельм забыл или предпочел проигнорировать, что невеста приходилась ему кузиной и Церковь выступила против этого союза. Не привыкший отступать, Вильгельм решил идти напролом, и к концу 1053 года брак состоялся.

Отношения в этой семье можно назвать весьма бурными. Как мы уже знаем, Вильгельм мог внезапно прийти в ярость, и Матильда оказалась ему под стать, хотя многие источники утверждают, что росту в ней было всего четыре фута четыре дюйма[7]. Между супругами часто случались ужасные ссоры, и говорят, что во время одного семейного скандала Вильгельм тащил Матильду за волосы по улицам Кана, чтобы показать всем, кто в доме хозяин. Но, несмотря на эпизодические вспышки домашнего насилия, их брак считался образцовым. Вильгельм, пожалуй единственный из правителей своего времени, не наплодил бастардов и хранил верность жене[8], и за тридцать лет совместной жизни они произвели на свет десятерых детей – шесть девочек и четырех мальчиков.

Эта преданность идее создания династии, в сочетании с одержимостью Вильгельма делать все по-своему, не сулила ничего хорошего англосаксонским правителям, которые неплохо устроились в Англии.

[6] 178 см. – *Примеч. пер.*

[7] Около 132 см. – *Примеч. пер.*

[8] Значит, точно не француз.

Гобелен иллюзий

Мы только потому знаем так много о причинах, побудивших Вильгельма к вторжению в Англию и смещению короля Гарольда, что на ковре из Байё мастерски отображена хроника исторических событий.

Вышитое полотно длиной семьдесят метров, с его живыми картинами событий, предшествующих Завоеванию и заканчивающихся гибелью Гарольда в битве при Гастингсе, представляет собой удивительно красивое произведение искусства, и каждый, кто хоть немного интересуется историей, культурой, вышивкой или обладает простым человеческим любопытством, обязательно должен съездить в Байё, маленький городок Северной Нормандии, чтобы полюбоваться этим шедевром. То, что гобелен уцелел, само по себе чудо: в 1792 году, во время Французской революции, его чуть не порезали на куски, чтобы укрывать повозки с амуницией, а в годы Второй мировой войны Геббельс старался заполучить его всеми правдами и неправдами. Это единственное в мире вышитое полотно такого типа и возраста, сохранившееся до наших дней.

Единственный изъян гобелена, пожалуй, состоит в том, что представленное на нем изложение исторических фактов нельзя назвать достоверным.

В качестве современной параллели можно представить себе, как экс-президент Буш заказывал бы фильм об Ираке. Проследите, сказал бы он, чтобы фильм начинался сюжетом о саддамовском оружии массового уничтожения. Что значит, не было ничего отснято? Так снимите! Потом мы хотим, чтобы было много танков и взрывов – мне нравятся взрывы. Пытки заключенных? Нет, такой депрессив нам ни к чему. О, да, и в конце я лично ловлю Саддама, договорились?

Примерно так замышлялся и ковер из Байё. Но получился он не совсем таким, и в этом его прелесть.

Отчасти это связано с тем, что работу по воплощению Завоевания в картинах поручили англосаксонским вышивальщицам, которые славились по всей Европе качеством своей работы, и они, похоже, воспользовались возможностью добавить в общую картину изрядную порцию шуток. Еще большая путаница возникла из-за того, что историю Завоевания доверили рассказывать тому, кто хотел опорочить все деяния Вильгельма.

Чтобы разобраться в этих хитросплетениях, давайте попытаемся распутать все узелки этого полотна и сравнить франко-нормандское изложение истории Завоевания с другой, возможно более правдоподобной, версией событий. Будем продвигаться шаг за шагом…

Шаг 1

Герцог, имеющий виды на королевский трон

К началу 1050-х годов Вильгельм, теперь уже герцог Нормандии, выгнал бретонских и франкских захватчиков и подавил нормандские бунты. Возможно, наученный горьким опытом покойного дяди Ричарда, который захватил замок в Фалезе, но недоглядел за братом, вернувшимся, чтобы убить его, Вильгельм разработал простую, но эффективную стратегию борьбы с врагами. Вместо того чтобы крушить запертые ворота и брать приступом замки, а потом возвращаться домой и ждать, пока тебя отравят или отправят к праотцам каким-либо другим способом, Вильгельм преследовал агрессоров и тех, к кому испытывал неприязнь, добивал их или захватывал все их богатства, тем самым лишая своих противников всякой

власти. Очень скоро стали говорить о том, что никому не стоит раздражать Вильгельма, если только нет уверенности в возможности одолеть его, а это было маловероятно, поскольку он имел в распоряжении личную армию хорошо обученных рыцарей, да и сам не знал страха в бою.

Вильгельм к тому же отличался неуемным честолюбием, и у него уже давно глаза загорались, когда он думал об Англии. При правлении англосаксов она стала богатой и стабильной страной, но все изменилось с кончиной Альфреда Великого: скандинавы снова совершали набеги, а король Англии, Эдуард Исповедник, был слаб и находился под влиянием враждующих эрлов[9]. Все благоприятствовало тому, чтобы в игру вступил такой сильный игрок, как Вильгельм, и взял власть в свои руки.

Более того, Вильгельм и сам знал, что вторжение можно осуществить малой кровью. Король Эдуард был женат на дочери одного из воинственных англосаксонских эрлов, но, поскольку дал обет целомудрия, прямого наследника не имел. Эдуард приходился кузеном отцу Вильгельма, так что теоретически Вильгельм имел права на английский престол. К тому же Эдуард был в долгу перед Нормандией, которая предоставила ему убежище в период датского правления. И точно так же, как бритты, пожившие во Франции, возвращаются домой с любовью к полусырым стейкам и непастеризованным сырам, Эдуард питал слабость ко всему нормандскому и даже окружил себя придворными-нормандцами. В общем, складывалась ситуация, которой амбициозный Вильгельм просто не мог не воспользоваться.

Вильгельм, как и положено, отправился с визитом к своему кузену, королю Эдуарду, и, по свидетельству нормандских летописцев, в ходе поездки утвердился в своих намерениях относительно Англии. «Когда Вильгельм увидел, какая это цветущая и благодатная земля, он понял, что хочет стать ее королем». Да, добавил бы циник, цветущая, благодатная, с несметными сокровищами, бескрайними пашнями, к тому же населенная зажиточными налогоплательщиками.

Именно во время этого государственного визита Эдуард, как полагают, и назначил молодого нормандца своим официальным преемником. И если вы посетите бывший монастырь в Байё, где по сей день хранится знаменитый ковер, то вам будет заявлено в категоричной форме, что именно так все и обстояло: Вильгельм был единственным законным претендентом на корону Эдуарда, потому что сам Эдуард сказал об этом.

Эту точку зрения впервые зафиксировал в 1070 году хронист Вильгельм из Пуатье, друг Завоевателя; правда, его свидетельства так же надежны, как биография Чингисхана, выпущенная монгольским издательством. Но именно эту версию событий навязывают нам современные нормандцы из Байё.

Однако это фальшивка, поскольку, согласно англосаксонскому законодательству одиннадцатого века, наследник английского престола должен быть одобрен «советом витанов», известным как Витангемот, куда помимо короля входили высшее духовенство и светская знать. Эдуард не имел права просто передать свою корону. Его обещание, если оно действительно имело место, возможно, было частью сделки: он, безусловно, хотел заручиться поддержкой Вильгельма на случай, если придется вступить в войну. Эдуард, нормандец по материнской линии, не мог похвастаться популярностью среди своих англосаксонских подданных. Он привез с собой из Нормандии не только нормандских придворных, но и шерифов, которых поставил на руководство отдельными областями Англии. Мало того, что эти иностранцы не говорили на англосаксонском языке, так они еще и понятия не имели о местных традициях. Англосаксонские эрлы, которые управляли обширными сельскими территориями, возмущались присутствием этих иностранных законодателей да к тому же еще враждовали друг с другом в борьбе за трон.

---

[9] Эрл – титул высшей аристократии англосаксонской Британии в XI веке. – *Примеч. пер.*

Самый могущественный из эрлов, Годвин из Уэссекса, имел серьезные виды на монарший трон. Годвин выдал свою дочь Эдиту замуж за Эдуарда, но время шло, а они не производили на свет принцев, и, понятное дело, это бесило эрла. Поговаривали даже, что Эдуард дал обет целомудрия исключительно для того, чтобы насолить Годвину.

Годвин был ярым противником нормандцев. В 1051 году в Дувре компания нормандцев ввязалась в драку, и, будучи не такими закаленными, как англичане, в потасовках на городских улицах после закрытия пабов, ребята вышли из боя с потерями. Несколько нормандцев приказали долго жить, и король Эдуард велел Годвину наказать горожан за то, что так негостеприимно обошлись с зарубежными гостями. Годвин не только отказался – ему вообще эта драчка с нормандцами показалась забавной, – он объявил войну дружкам Эдуарда с континента. После чего повел свою армию на Лондон, где был встречен жителями как герой, и быть нормандцем в Англии вдруг стало совсем не модным.

Годвин потребовал, чтобы придворные-иностранцы отправились восвояси, и Эдуарду пришлось подчиниться. Можно себе представить несчастного Короля, одинокого в своем дворце, оставшегося без верных нормандских приятелей, умоляющего менестрелей играть «Je ne regrette rien»[10]. Неудивительно, что именно в это время в его голове родился план передачи трона Вильгельму.

Впрочем, Эдуард нашел чем утешиться. У Годвина был очаровательный молодой сын, блондин Гарольд Годвинсон, – а Эдуард любил красивых юношей. (Есть и другие версии, объясняющие его бездетность, помимо набожности.) И вот в начале 1060-х годов, очевидно забыв о данном Вильгельму обещании, Эдуард выбрал Гарольда своим новым фаворитом. Храбрый, воинственный англосакс, снискавший благоволение короля и не вызывавший негативных эмоций у Витангемота и населения, видился все более вероятным кандидатом на английский трон.

Однако по ту сторону Ла-Манша кое-кто был этому совсем не рад…

Шаг 2

Заложник – это всего лишь гость, который не может уйти домой по собственному желанию

Для выходца из семьи, которая годами поносила нормандцев, Гарольд Годвинсон совершил весьма безрассудный поступок. В 1064 году, в сопровождении всего лишь нескольких компаньонов и охотничьих собак, он отправился в Нормандию. Это равносильно тому, как если бы Мартин Лютер Кинг посетил загородную пирушку Ку-клукс-клана. И возникает вопрос: с чего вдруг человеку из такого политически дальновидного и активного семейства взбрело в голову пойти на столь откровенную глупость?

В музее «Ковер из Байё» вам дадут один из возможных ответов. Музейные аудиоплееры, похожие на гигантские мобильники 1980-х, оказывают неоценимую помощь в прочтении гобелена всем, кто не силен в латыни и иконографии раннего Средневековья. Историю Завоевания рассказывает англичанин с голосом старомодного диктора Би-би-си, который, по идее, должен вызвать у вас полное доверие. Вы просто не имеете морального права не верить ему, когда он говорит, что Гарольд прибыл в Нормандию с посланием от стареющего короля Эдуарда Исповедника, в котором тот подтверждает свое желание видеть преемником именно Вильгельма.

[10] «Я ни о чем не жалею» (*фр.*) – знаменитая песня Эдит Пиаф.

Но вы, если на мгновение снимете наушники, оборвав гипнотический голос, возможно, зададитесь вопросом, за каким дьяволом Гарольду понадобилось это делать, когда он сам считался первым претендентом на английский трон.

Называется еще один возможный мотив этого поступка. Предполагалось, что Гарольд пересек Ла-Манш, чтобы вызволить двух членов своей семьи, похищенных нормандцами в 1051 году и с тех пор удерживаемых на континенте. Конечно, это объяснение представляется куда более правдоподобным. Если бы Гарольд стал королем Англии, что непременно разозлило бы жаждущего власти Вильгельма, двум несчастным Годвинам, томящимся в нормандских застенках, пришлось бы туго.

Так что первая картина на гобелене с таким же успехом могла бы представлять Гарольда, получающего от короля Эдуарда разрешение истребовать у нормандцев выдачи заложников, а вовсе не Эдуарда, приказывающего доставить унизительное для Годвинов подтверждение права Вильгельма на английский трон.

Так или иначе, но корабль Гарольда, как назло, попал в сильный шторм – кто бы сомневался – и потерпел крушение близ Понтьё (часть Нормандского герцогства), во владениях графа Видо, который прославился своей любовью к захвату заложников. Неожиданное появление Гарольда настолько обрадовало графа, что его впору было называть «очень веселой вдовой»[11], и он не преминул тотчас взять под стражу богатого англосакса.

К несчастью для Видо, его сюзерен, Вильгельм, прослышал о ценном трофее и объявил заложника своей собственностью. С этим было не поспорить – Вильгельму, как герцогу Нормандскому, принадлежало все, что море выбрасывало на берег, включая многочисленные туши китов, которые служили ценным источником жиров и китового уса[12].

Став узником нормандского соперника, Гарольд должен был опасаться за свою жизнь, но его разве что пощекотали бы мечом – это максимум, что ему грозило. Вильгельм не имел привычки убивать своих родовитых врагов, если только они не становились совсем уж бесполезными для него или позволяли себе шутки насчет кожевенного производства. Он предпочитал принуждать их к присяге на верность ему как сюзерену, что означало для них пожизненное обязательство, под страхом смерти и/или вечного барбекю в геенне огненной, отдавать ему процент от всего заработанного и помогать защищать его территорию в случае необходимости. Короче говоря, бедных врагов он пускал на мясо, а богатых доил.

С Гарольдом он мог отхватить гораздо более жирный куш: присяга на верность вынудила бы семейство Годвинов отступить в борьбе за английскую корону, пропустив вперед своего сюзерена, Вильгельма. Согласно саксонским источникам, Гарольд, присягая, не знал, что под столом спрятаны мощи, что превращало простое обещание в священную клятву. Но Вильгельма и нормандцев неосведомленность Гарольда в происходящем ничуть не смущала. В те времена люди были очень богобоязненны. Если ты клялся на останках святых, то должен был сдержать клятву во что бы то ни стало, иначе на воинов твоей армии нападут полчища паразитов или еще какая напасть обрушится. В глазах нормандцев клятва Гарольда была освящена Богом как свидетелем.

Вильгельм еще туже закрутил гайки, обручив Гарольда со своей дочерью Аэлис, несмотря на то что она уже была официально помолвлена с местным аристократом – таким образом, доказав, что все нормандские клятвы священны, но некоторые священнее других.

Теперь, когда Гарольду, связанному по рукам и ногам, пришлось смириться с притязаниями Вильгельма на английскую корону, он наконец получил позволение отплыть домой, в Англию. На гобелене показано, как Гарольд виновато втягивает голову в плечи, рассказывая

---

[11] Автор обыгрывает фамилию графа *Wido* (Видо) и название оперетты Франца Легара *Merry Widow* («Веселая вдова»). – *Примеч. пер.*

[12] Позже Вильгельм, когда отправился на завоевание Англии, придумал еще более дурно пахнущее, чем кожевенный промысел, занятие – охрану выброшенных на берег китов до его возвращения домой.

свою сказку королю Эдуарду, а тот с упреком смотрит на него, словно говоря: «Что, ты был в Нормандии и не привез мне камамбера?»

Аудиогид говорит об «унижении» Гарольда, но, если на самом деле миссия Гарольда заключалась в том, чтобы сообщить Вильгельму об его избрании королем, при чем здесь унижение? Он доставил послание по адресу и даже присягнул на верность будущему королю Вильгельму. Да, поездка несколько затянулась, и он забыл привезти подарки, но в целом все прошло так, как и планировалось.

С другой стороны, у Гарольда были все основания повесить голову, если его миссия по освобождению родственников провалилась, ведь он не только вернулся один, но еще и позволил заманить себя в ловушку, присягнув на верность Вильгельму, и это при том, что Эдуард видел в нем, Гарольде, своего наследника.

Мы никогда не узнаем правду, но одно можно сказать со всей определенностью: когда Эдуард Исповедник скончался 5 января 1066 года, Гарольд принял решение Витангемота и официально стал королем Англии. А по ту сторону Ла-Манша самодовольные ухмылки Вильгельма сменились угрозами оспорить это избрание. Гарольд присягал на верность в присутствии свидетелей и на останках святых, а потому не имел права претендовать на трон в обход своего сюзерена. Нормандцы тотчас принялись обвинять нового короля в нарушении клятвы, самом тяжком преступлении при феодализме.

Впрочем, Гарольду не было нужды нанимать дорогих адвокатов, чтобы выработать достойную линию защиты – какой заложник откажется давать клятву своему похитителю? И какими юридическими правами обладал иностранец Вильгельм в Англии?

Вероятно, чувствуя, что Гарольд может выиграть дело, герцог Нормандский Вильгельм решился даже обратиться за поддержкой к Церкви. (Да-да, к той самой Церкви, на чьи запреты он плевал, когда захотел жениться на своей кузине.) В качестве награды Вильгельму за вновь обретенное благочестие Папа послал ему освященное знамя, которое хорошо просматривается на гобелене, совсем как логотип спонсора на комбинезоне гонщика «Формулы-1», и словно бы говорит: «Бог благословляет тебя на борьбу» – ну или что-то в этом роде.

На гобелене так же отчетливо видно нечто напоминающее воздушного змея в форме яичницы. Это комета Галлея, которая появилась на небосклоне в конце апреля 1066 года и была, разумеется, объявлена нормандцами знаком Божьим, подтверждающим то, что Гарольд клятвопреступник и что его должен сместить с трона благочестивый и набожный Вильгельм, который именно это и намеревался сделать.

Те же самые толкователи знаков весьма кстати для Вильгельма проигнорировали шторм, вынудивший нормандский флот вернуться к родным берегам, где он был вынужден стоять на якоре две недели, прежде чем предпринять новую попытку пересечь Ла-Манш. И когда наконец нормандцы высадились на южном побережье Англии недалеко от местечка Гастингс 28 сентября 1066 года, их настигло еще одно дурное предзнаменование: решительно двинувшись к берегу, Вильгельм поскользнулся и упал лицом вниз, после чего ему пришлось успокаивать свое перепуганное войско. Он выкрутился, сказав: «Обеими руками держу я теперь землю Англии!»

Гобелен выглядит на удивление антинормандским, когда показывает высадку на берег. Так артельщики не столько строят первый форт Вильгельма, сколько дерутся между собой. Не менее красноречивы и картины мародерства: нормандские воины грабят замок, пастушок пытается дать отпор рыцарям-верзилам, которые воруют его овец, горит чей-то дом, а женщина молит о пощаде…

Мало что зная о Вильгельме Завоевателе, трудно поверить, что он когда-либо видел эти сцены на гобелене. Но возможно, он просто пропустил первую половину рассказа, потому что самое главное было впереди…

Шаг 3

Оружие массового поражения – к бою!

Четырнадцатого октября 1066 года – возможно, самая важная дата в британской истории, или, точнее сказать, в истории всего англоговорящего мира. Именно в этот день Вильгельм Завоеватель бросил вызов своему сопернику, королю Гарольду, в битве при Гастингсе. Результатом, как все мы знаем (хотя тем, кто не знает, следовало бы пропустить окончание этого абзаца), стало поражение англосаксов Гарольда. На первый взгляд это можно было бы считать победой франкоговорящей культуры (и французы до сих пор именно так это и трактуют), но, как мы увидим далее, англоговорящего мира вообще не существовало бы, если бы победил Гарольд – а он был очень близок к победе.

За две недели до битвы при Гастингсе Гарольд направил свою армию из Лондона в Йоркшир, чтобы отразить нападение войск другого претендента на английскую корону, свирепого викинга Харальда Сурового, короля Норвегии.

Два Харри встретились 25 сентября близ Йорка, у переправы через реку Дервент. Говорят, что сражение началось неудачно для англичан, когда один-единственный викинг заблокировал вход на мост, положив топором человек сорок из войска Гарольда при попытке прорваться. В конце концов английский солдат спустился вниз по реке в бочке, остановился под мостом, просунул копье меж досок и вонзил викингу в пах. Возможно, не очень спортивный прием, но чисто технически парень игру сделал.

За этим последовала ужасающе кровавая битва, которая стоила жизни многим лучшим воинам Гарольда, но в итоге он сокрушил врага, раз и навсегда положив конец истории вторжения викингов в Англию. Летописцы свидетельствуют, что бежавшие с поля боя уцелевшие викинги уместились всего на двух десятках из трехсот длинных кораблей, на которых приплыли.

После этой изматывающей бойни оставшимся войскам Гарольда вновь предстояла неделя тяжелейшего пешего хода – марш-бросок на юг, навстречу с Вильгельмом, который все это время жил припеваючи, грабя беспомощных крестьян Суссекса и устраивая пляжные пирушки, благо среди плодов его мародерства мяса и овощей было в избытке.

У нормандцев имелось еще одно превосходство перед изможденной армией Гарольда. На ковре из Байё четверть из семидесяти метров отведены картинам, изображающим нормандских рыцарей, объезжающих на лошадях окрестности Гастингса. Воины Гарольда сражались пешими; из лошадей в их распоряжении имелись лишь шетлендские пони, которых использовали исключительно как вьючных животных, а в бою от них не было никакой пользы, разве что отвлечь неприятеля, заставив его надрываться со смеху. Нормандцы же, хорошо обученные кавалеристы, привезли с собой на кораблях холеных боевых коней, которые получили достаточно времени на то, чтобы оклематься после морской болезни.

Гобелен изображает и поток стрел, выпущенных в Гарольда, одна из которых все-таки настигла короля. Кайма, обрамляющая четыре панели, показывает длинную цепочку нормандских лучников, поддерживающих конницу своими стрелами, в то время как маленькие группы храбрых англосаксов, иногда даже без доспехов и оружия, обороняют занимаемые ими высоты. Англосаксы обычно не прибегали к массированному обстрелу противника из луков, они исповедовали концепцию схватки «один на один», топор против топора, воин

против воина, лицом к лицу в смертельном бою[13]. Вильгельм придерживался другой тактики: он предпочел осыпать англосаксов стрелами, а потом, отправив в атаку кавалерию, растоптать поверженных конскими копытами насмерть, ведь это куда менее утомительно и менее рискованно.

Короче говоря, битва при Гастингсе напоминала поединок двух боксеров-тяжеловесов за звание чемпиона Европы, после того как одному из них перед матчем пришлось бежать марафон и пятнадцать раундов рубиться с чемпионом мира, в то время как другой отдыхал у бассейна и разминался в легком спарринге со школьниками. И как только боксеры вышли на ринг, один из них достал гранату и разнес противника в клочья.

Конечно, малоприятное объяснение причин поражения англичан.

Но, между прочим, вопреки всему Гарольд был на удивление близок к победе. Пусть его воины и устали, но их переполняла решимость вышвырнуть новых пришельцев со своей земли. Нормандский хронист Вейс говорит, что перед началом битвы нормандцы кричали: «С нами Бог!», на что саксы отвечали: «Убирайтесь!» Хотя на самом деле англосаксы наверняка употребили гораздо более крепкие выражения.

Поначалу все шло не так, как планировал Вильгельм. У него было численное превосходство – около 8000 воинов против 7500 Гарольда, – но англосаксы заняли выгодную позицию на вершине холма. Первая волна нормандских стрел ударилась в стену из больших щитов, не нанеся англосаксам урона, а последующая атака пехоты Вильгельма захлебнулась: пешие нормандцы были сброшены с холма, получив многочисленные и страшные увечья. Даже первый навал кавалерии оказался неудачным: нормандские лошади боязливо шарахались от воющей толпы размахивающих длинными топорами англосаксов. Не удержался в седле и Вильгельм; как только он встал на ноги, ему пришлось приподнять свой шлем и открыть лицо воинам, чтобы те перестали паниковать.

Именно в этот момент, опять же согласно пронормандской легенде, Вильгельм сделал блестящий ход. Видя, что с холма спустились англосаксы, преследуя отступающую конницу, нормандцы изобразили ложное масштабное отступление, искушая врага ослабить оборону и покинуть занимаемые высоты. Как только англосаксы оказались в открытом поле, кавалерия развернулась и пошла в атаку.

Однако есть более правдоподобное объяснение тому, что произошло на поле боя. Верно то, что воины Гарольда действительно бросились вниз с холма, круша топорами отступающих нормандцев, и крови пролилось немало. Одна часть армии Вильгельма, состоящая в основном из бретонцев, начала беспорядочно отступать, вынуждая и своих нормандских коллег двигаться назад, чтобы остановить англосаксов и не дать им возможность окружить отступающее войско. И это, похоже, натолкнуло Вильгельма на удачную мысль. Раз множество англосаксов оставило высоту, значит, ряды обороны там значительно поредели; к тому же личные телохранители Гарольда, его доблестные хускарлы, которые смыкали свои щиты позади первой линии обороны, оказались уязвимыми. И Вильгельм приказал своим лучникам целиться выше, поверх щитов, прямо в хускарлов. Одновременно он вновь повел в атаку свою пехоту и кавалерию, и на этот раз нормандцы прорвали оборону.

Верные хускарлы погибли все до одного, а сам Гарольд упал на землю, то ли сраженный попавшей ему в глаз стрелой, то ли поверженный нормандским мечом. Под известной картиной, изображающей рыцаря со стрелой в глазу, вышито: *Harold Rex Interfectus Est*. «Король Гарольд убит». Что само по себе странно. В высшей степени сомнительно, чтобы Вильгельм придумал такую формулировку или поручил кому-то сочинить нечто подобное. Летописцы того времени были фанатично преданы своему правителю, так что с большей

[13] Разумеется, за исключением редчайшего случая, когда одному из них пришлось проткнуть копьем ничего не подозревающего противника из-под моста.

вероятностью нормандский комментарий выглядел бы примерно так: «Вероломный узурпатор Гарольд получает то, что заслужил: Бог пронзает его своей стрелой в самое уязвимое место в наказание за то, что он пытался украсть у благородного Вильгельма его законный титул». Конечно, это чересчур многословно для вышивки на гобелене, но уж Вильгельм, всегда считавший себя законным королем, а Гарольда – узурпатором, по крайней мере приказал бы исключить из надписи слово *Rex* – «король».

Вот еще одно доказательство того, что кто-то пытался разозлить Вильгельма лично или нормандцев всех скопом.

Шаг 4

Зов добычи

Примечательно, что на гобелене завоеватели названы не *Normanni* (нормандцы), а *Franci* (франки). В этой путанице нет ничего удивительного. Еще задолго до вторжения Вильгельма эрл Годвин предупреждал о том, что «французские дружки Эдуарда Исповедника имеют слишком большое влияние при дворе». Однако этот эпитет был неудачным с точки зрения как географии, так и этики. Годвин и компания, возможно, намеренно вводили всех в заблуждение, совсем как сегодняшние французы, когда хотят пожаловаться на происки англоговорящего мира. Забывая о существовании кельтов, афроамериканцев и многих других англоязычных наций, французы обвиняют именно англосаксов во всем, что их раздражает[14].

Впрочем, название «франки» куда более подходит армии Вильгельма, поскольку она состояла не только из преданных герцогу нормандцев. Планируя поход на Англию, Вильгельм распустил слух, что там есть чем поживиться. Это привлекло разношерстную компанию нормандцев, бретонцев, булонцев, анжуйцев и прочих «французских наймитов», жаждущих денег и секса с английскими женщинами, – примерно такие же мотивы до сих пор влекут молодых французов в Лондон.

Однако это не означает, что можно говорить о «французском вторжении». Для начала заметим, что ни нормандцев, ни бретонцев нельзя назвать франками: они были викингами и кельтами. Репутация Вильгельма как гаранта заполучения трофеев (в том числе и для плотских утех) была настолько прочной, что к нему поспешили воины даже из такой далекой нормандской колонии, как Италия. И что самое главное, Нормандское завоевание Англии инициировал вовсе не тогдашний король франков Филипп I. Согласно строгой феодальной иерархии, герцог Нормандский находился в вассальной зависимости от Филиппа I, и это означало, что он хранил верность французскому королю. Но Вильгельм был в высшей степени самостоятельным деятелем, и поход на Англию с точки зрения политики – это чисто нормандская акция, направленная на распространение личной власти Вильгельма за пределами Ла-Манша и захват земель для него самого и его родственников. Приближенные Вильгельма поставляли ему корабли и солдат в обмен на обещания земель, капиталами помогали также нормандские епископы и аббаты, которые понимали, что в случае успеха Вильгельма им, возможно, обломится новый собор или аббатство. Каждый успешный удар мечом в битве при Гастингсе сулил золотой дождь сторонникам Вильгельма.

После битвы, когда мародеры обходили поле боя, отрубая конечности и головы поверженным, чтобы стянуть с мертвых (и полумертвых, пока их не обезглавили) ценные коль-

[14] Для французов наполовину кениец, наполовину ирландец Барак Обама тоже стал англосаксом в ту самую минуту, когда его избрали президентом США.

чуги, нормандцы, так же как и ненормандцы, уже знали, что самое интересное только начинается. Перед ними лежала «цветущая благодатная земля», на которую уже столько лет облизывался Вильгельм, ожидая, когда можно будет собрать с нее урожай.

Победитель направился вглубь страны, в Винчестер (бывшую столицу короля Альфреда), где намеревался захватить королевские сокровища, прежде чем взять курс на север. Он грабил все, что попадалось по пути, сея в Южной Англии хаос, какого она не видела со дня смерти Альфреда. Отчасти это было местью вотчине Гарольда, Уэссексу, но в то же время и демонстрацией силы для англосаксонских эрлов в Лондоне, которые еще ломали голову над тем, как реагировать на происходящее. Стоит ли поднимать войска и оказывать сопротивление Вильгельму или присягнуть ему на верность, сохранив тем самым хотя бы часть своих богатств?

Когда Вильгельм подошел к окраинам Лондона, местный люд показал эрлам, что, по его мнению, стоит делать: жители Саутуорка атаковали захватчиков, разозлив Вильгельма настолько, что он сжег город дотла и разграбил его окрестности, уничтожая недавно собранный урожай, убивая крестьян и лишая лондонцев их основного источника продовольствия.

Демонстрация силы, которую устроил Вильгельм, кажется, показала англосаксонским эрлам, с какой стороны их хлеб маслом намазан (к слову сказать, Нормандия была их единственным поставщиком сливочного масла), и они проголосовали за признание права Вильгельма на английский трон.

Коронация нового властителя Англии состоялась в Рождество 1066 года в Вестминстерском аббатстве. Место проведения мероприятия можно назвать политическим выбором: церковь построил Эдуард Исповедник, и именно здесь несколькими месяцами ранее был коронован узурпатор Гарольд.

Церемония, должно быть, несколько напоминала скоропалительную свадьбу в связи с интересным положением невесты. Вильгельма окружали его солдаты, в то время как подавленные англосаксы выступали свидетелями мрачно-торжественной передачи власти. И как только корона оказалась на голове Вильгельма, всем почему-то стало ясно: надо ждать беды. Но она пришла вовсе не по вине тех недовольных граждан, которые пытались сорвать празднование. Когда новый король получил поздравления от своих сторонников, нормандские стражники за воротами аббатства услышали гул голосов и предположили, что назревает бунт. Они ринулись в превентивную атаку на толпу и, прежде чем успели осознать собственную ошибку, порешили немало лондонцев и сожгли несколько зданий. Англии пора было привыкать к новым порядкам.

Чутко улавливая атмосферу нестабильности в своем новом королевстве, Вильгельм построил лондонский Тауэр: сначала деревянный форт, а потом, с прибытием знаменитого белого камня из Кана, заложил замок, который мы посещаем до сих пор.

Одновременно со строительством цитадели в Лондоне Вильгельм отправил свое войско в тур по Англии – и не только в порядке ознакомления с местными народными танцами, но и для того, чтобы англосаксы узнали, что отныне у них новые хозяева. Нормандцы доводили это до сведения весьма доходчиво: они строили замки практически в каждом крупном городе страны, при этом снося целые кварталы, чтобы расчистить место для возведения крепостей в пределах городских стен. Например, в Линкольне они разрушили 166 домов, в Кембридже – 27, в Глостере – 16, и этот список можно продолжить. При этом вы не найдете ни одной записи о том, что Вильгельм обращался за разрешением на перепланировку.

Решив, что ему необходимо пространство для отдыха и развлечений, Вильгельм изгнал из Нью-Форест две тысячи жителей, чтобы превратить 75 000 акров этого лесного массива в гигантские охотничьи угодья, свободные от каких-либо построек. Подобные спецоперации нормандцы провели в лесах по всей Англии, и суровые наказания ожидали тех англосаксов, кто осмеливался, в качестве компенсации за уничтоженные или украденные урожаи,

подстрелить себе на прокорм королевского оленя, зайца или ежа: штрафом за браконьерство было оскопление или отсечение рук и ног.

Тем временем, пока его люди сносили дома и производили этнические зачистки лесов, Вильгельм с головой ушел в административную работу, взвалив на себя тяжелейшую задачу по конфискации – ни много ни мало – 1422 поместий, ранее принадлежавших Эдуарду Исповеднику и семейству Годвинов, а также всех земель Англии, которые его сподвижники полностью разграбили, очевидно, на том основании, что предыдущие владельцы неумело вели хозяйство.

Помимо этого он прибрал к рукам огромные запасы золота, драгоценностей, одежды и других сокровищ, так что когда в 1067 году он заскочил в Нормандию повидаться с женой и пересчитать выброшенных на берег китов, даже заносчивые парижане, увидев Вильгельма и его окружение, были «ослеплены красотой их расшитых золотом одежд».

Вильгельм трепетно относился к своим инвесторам – особенно к Богу. На месте битвы при Гастингсе он отстроил аббатство в качестве благодарности за победу, тупо окрестив его Бэттл («Битва»), дабы англосаксы никогда не забывали, почему оно здесь находится. Утонченностью он не страдал. И если сегодня вы прокатитесь по Нормандии, то непременно обратите внимание, что во многих маленьких городах стоят огромные аббатства и соборы, и все они оплачены английскими деньгами.

Брат Вильгельма, Одо, был епископом Байё. Его можно увидеть на гобелене, он участвует в сражении верхом на коне, размахивая жезлом, а не копьем или мечом: священнослужители имели дозволение лишь вышибать мозги врагам, а не рубить их на куски, что, видимо, было не по-божески. Благодаря готовности крушить вражьи черепа во благо брата и Господа Одо заработал состояние, которое по сегодняшним меркам составило бы 55 миллиардов. Большую часть богатства он, конечно, потратил на себя, но довольно внушительная сумма пошла на строительство самого передового по тем временам собора, который высится в центре нормандского городка Байё и напоминает золотой кирпич, вздымающийся из груды булыжника.

Другие нормандские священники получили более скромные, хотя все равно значительные, доходы. Может, Иисус и говорил, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай, но нормандской Церкви уже не стоило об этом беспокоиться – теперь у нее было достаточно наличности, чтобы строить гигантские иголки.

Шаг 5

От Гастингса до «Книги страшного суда»

Новому королю Вильгельму, в отличие от нынешних королей, некогда было ходить по ночным клубам и заниматься благотворительностью – ему приходилось мотаться по стране и усмирять своих подданных. В одном только 1067 году мощные бунты произошли в Нортумбрии, Херефорде, Эксетере и Дувре, важнейшем портовом городе, который восставшие чуть не отбили у нормандцев.

В конце концов новый король так рассердился на англосаксов, которые либо открыто восставали, либо сначала присягали на верность, а потом – совсем как Гарольд – нарушали свои клятвы, что издал указ о военных преступлениях, за которые сегодня сажают на несколько лет в комфортабельный тюремный комплекс в Гааге.

Вильгельм приказал своей армии убивать всех и уничтожать все от Ланкастера до Йорка, от Северного до Ирландского морей – а это территория площадью сто восемьдесят квадратных километров! Точные цифры убитых и лишенных крова местных жителей найти

трудно, но летописцы рассказывают об обитателях целых деревень, которые предпочитали прятаться в лесах и гибнуть там от голода, нежели встречаться с бойцами штурмовых отрядов Завоевателя. Истребление приняло такой масштабный характер, что север Англии превратился в пустыню на целых пятьдесят лет[15].

Количество тех, кто присягал на верность Вильгельму, а потом предавал его, уже зашкаливало, и процесс захвата земель становился все более запутанным. Споры о том, кто чем владеет, кто кому должен платить ренту, участились, так что в 1085 году Вильгельм созвал своих лучших юристов и счетоводов на совет по инвестициям в Глостере. Хотя практически каждый житель Англии был обязан выплачивать процент от своих доходов новоиспеченному королю, тому хотелось точно знать, кто его налогоплательщики и сколько они зарабатывают, чтобы исключить всякий обман с их стороны.

Советники подсказали выход: составить список всех объектов собственности в Англии, включая рабов – сервов. Итог этой работы, «Книга страшного суда» получилась на редкость занудной и перегруженной информацией, совсем как учетные записи трейнспоттера[16].

В начале 1086 года по стране были разосланы ревизоры; когда они закончили сбор данных, их перепроверила другая команда. Будучи реестром всех земель, личной собственности и богатств, эта опись предоставляла сведения по всем фискальным долгам, начиная от самых мелких землевладельцев и живущих за пределами страны, но получающих доход лордов и заканчивая самим королем Вильгельмом.

Название «Книги», придуманное в двенадцатом веке, указывает на масштабность и важность проекта. В ней содержалось столько сведений, что люди сравнивали ее с «Книгой жизни», каталогом деяний, по которым Бог будет определять судьбу каждого в день Страшного суда.

И все это состряпали для человека, который практически не умел читать. Возможно, это объясняет, почему люди Вильгельма кое-что все-таки скрыли от него: есть огромные пробелы в данных по Лондону и дальнему Северу, регионам, которые считались неспокойными и где ревизоры не осмеливались задавать слишком много вопросов.

Так или иначе, у Вильгельма было не так много времени, чтобы насладиться перед сном чтением «Книги страшного суда», поскольку он умер в сентябре 1087 года, вскоре после того как работа над ней была завершена. И умер, прямо скажем, как подобает королю Англии – в борьбе с Францией.

Король франков Филипп I вторгся в Вексен, область Нормандии, расположенную к северо-востоку от Парижа. Вильгельм направил к нему своих гонцов с требованием отступить, однако Филипп, чувствуя свою силу перед лицом Завоевателя, уже старого и не в меру упитанного, ответил: «Когда наконец пузатый разродится?»

Вильгельм просидел на английском троне двадцать один год, но так и не приобрел чувства юмора, причем шутки, затрагивавшие лично его, просто-таки бесили Вильгельма, поэтому в ответ на реплику Филиппа он решил осадить и сжечь что-нибудь французское. После того как его войска штурмом взяли Мант, центр Вексена, Вильгельму вздумалось проехаться верхом по пожарищу. В какой-то момент, согласно легенде, его конь споткнулся об упавшую балку, и Вильгельм рухнул на землю, получив серьезную травму внутренних органов.

Шесть недель он страдал от жутких болей в животе, и его мучения, несомненно, усугублялись тем, что французские доктора постоянно переворачивали его, пытаясь впихнуть

[15] А в культурном плане, как утверждают высокомерные южане, еще на несколько веков.

[16] Трейнспоттер – человек, хобби которого – отслеживать поезда и записывать номера локомотивов. – *Примеч. пер.*

ему в задний проход целебные травы: обтекаемых, легких в применении суппозиториев еще не изобрели.

Англосаксонские летописцы, составлявшие «Англосаксонские хроники», древнейший исторический документ, превратили некролог Вильгельму в длинную оскорбительную поэму: в ней они перечислили беды, которые обрушил на Англию Завоеватель, и дали ему нелицеприятную характеристику: «Своих людей он убивал, без цели и без веры, и в пропасть жадности упал, он алчным был без меры».

Монахи, писавшие «Хроники», усматривают в смерти Вильгельма гнев Божий, говоря, что он умер после того, как сжег Мант и «все святые церкви города». Летописец с прискорбием отмечает, что «двое праведных служителей Бога были заживо сожжены», а потом, смакуя подробности, описывает предсмертные страдания Вильгельма и смерть, после которой осталось «ему, некогда могущественному королю и хозяину многих земель, всего семь футов этой самой земли». Чем не торжествующий смех англичан? И звучать ему предстояло еще очень долго…

Parlez-vous[17] по-английски?

Начиная с 1066 года, французский диалект нормандских завоевателей стал официальным языком поверженной Англии, и на этом языке предстояло говорить английским королям и правящим классам следующие триста лет. Но англосаксонские крестьяне были слишком многочисленны и необразованы, чтобы пытаться навязать им новый язык, и в любом случае среднестатистический англосакс использовал франко-нормандские слова только для того, чтобы продать свой товар аристократу или упросить солдата не кастрировать его за убийство ежика.

Со своей стороны, завоеватели, как правило, отказывались учить язык лузеров, или же у них попросту ничего не получалось (Вильгельм тоже пытался, но безуспешно). Между собой они общались на франко-нормандском пиджине[18], в котором смешались разные региональные диалекты. Так возник новый говор, который обходился без многих грамматических сложностей, сохранившихся на многие века в «чистом французском», языке франков.

И постепенно, как мы увидим в следующих главах, англосаксы и франко-нормандцы сблизились; стремление обеих сторон к лингвистическому выживанию привело к созданию гибкого, адаптированного языка, в котором можно было изобретать или частично заимствовать слова, при этом не беспокоясь о том, правильно ли в предложении расставлены глагольные окончания или соблюден порядок слов и выдержан стиль (вот как в этом предложении). В результате возникла первичная форма того языка, который впоследствии стал английским.

Все это лишний раз доказывает, что Нормандское завоевание Англии было столь же знаковым событием с точки зрения лингвистики, как момент выхода на сушу первых амфибий. Каждый, кому доводилось увязнуть в трясине современной французской грамматики, способен оценить степень свободы английского языка. Завидуя этой раскрепощенности, французские грамматисты обязательно скажут вам, что английский – это язык нечистый, язык бастардов. Они, конечно, правы, и самое забавное то, что он обязан своим созданием Вильгельму, нормандскому бастарду, рожденному на земле нынешней Франции.

---

[17] Вы говорите…? (*фр.*) – *Примеч. пер.*

[18] Пиджин – вторичный язык, возникший в условиях межъязыковых контактов; использует лексику одного языка и грамматику другого. – *Примеч. пер.*

Начало конца (начала)

В конечном итоге Нормандское завоевание Англии обернулось неприятностями для французов, и уж конечно его никак нельзя считать победой Франции над Англией. Вильгельм сокрушил англосаксонский порядок, но сформировал новую нацию, которая переросла свой первоначальный статус нормандской колонии и стала серьезной независимой силой в Европе. Впоследствии язык этой нации тоже вышел за пределы Европы и распространился по всей планете, эволюционировал в британских колониях и послужил созданию культуры, которую французы ошибочно (и зачастую с упреком) называют «англосаксонской» – и которую Франция по привычке обвиняет в попытках задушить французскую литературу, кинематограф и конечно же французский язык.

Для Вильгельма, умирающего в агонии от ран, полученных в результате войны с Парижем, возможно, было бы некоторым утешением знать, что, создавая Англию, он посеял семена боли, которая тысячу лет будет мучить французов.

Глава 2
Разминка перед боем
Под руководством великих – а подчас и откровенно ужасных – королей Англии (королевы все еще под запретом)

За те 250 лет, что разделяют смерть Вильгельма Завоевателя и Столетнюю войну, разумеется, произошло немало исторических событий. В конце концов, два с половиной века – это то время, что прошло между изобретением велосипеда и созданием атомной бомбы (да, по времени мы продвигаемся вперед, но это вовсе не означает, что мы прогрессируем).

В эти годы уместились и подписание Великой хартии вольностей[19], и убийство Томаса Бекета[20], и подвиги легендарных героев, таких как Ричард Львиное Сердце[21], Роберт I Брюс[22] и Робин Гуд (последний, конечно, в прямом смысле легендарный, поскольку существовал только в легенде).

Однако, помимо всего прочего, именно этого времени хватило Англии, в 1087 году представлявшей собой всего лишь нормандскую колонию, чтобы стать мощной державой, обладающей национальным самосознанием и способной отплатить за поражение не только своим бывшим колонизаторам, но и всей Франции.

Это был долгий процесс, поскольку англо-нормандские короли Англии по-прежнему считали себя герцогами Нормандии со вторым местом жительства в Лондоне, а Англию с ее крестьянами рассматривали как источник удовлетворения своих хобби, которые варьировались от уныло-привычной охоты за дичью и женскими телами до более экзотического времяпрепровождения вроде Крестовых походов в Средиземноморье (Ричард Львиное Сердце), архитектурных прихотей (Генрих III) и сооружения соломенных крыш (Эдуард II).

Но каждый король[23], правивший с 1087 по 1327 год, внес свой вклад в подготовку Англии к Столетней войне, хотя в некоторых случаях они делали это, казалось, неосознанно…

В борьбе за право на кутежи

События развивались ни шатко ни валко во многом из-за того, что наследник Вильгельма первого оказался совсем уж никчемным правителем.

После смерти Завоевателя его старший сын, Роберт, получил в управление родную Нормандию. Англию же Вильгельм завещал среднему сыну, Вильгельму II, или Руфусу, как его называли из-за красного цвета лица. Да, в семейной лотерее Англия оказалась всего лишь утешительным призом.

---

[19] Великая хартия вольностей – грамота, подписанная в 1215 году королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов; ограничивала королевскую власть и предоставляла более широкие права крупным феодалам; основной массе английского народа – крепостному крестьянству – не дала никаких прав. – *Примеч. пер.*

[20] Томас Бекет – архиепископ Кентерберийский, одна из ключевых фигур английской истории XII века; вступил в конфликт с Генрихом II и был убит по наущению короля на ступенях алтаря Кентерберийского собора. – *Примеч. пер.*

[21] Ричард I Львиное Сердце – английский король из династии Плантагенетов, правивший в 1189–1199 годах. – *Примеч. пер.*

[22] Роберт I Брюс – король Шотландии (1306–1329), один из величайших шотландских монархов. – *Примеч. пер.*

[23] Королевы не допускались к английскому трону вплоть до 1553 года, когда на престол взошла Мария Тюдор.

Вильгельм Руфус страдал от хронического синдрома избалованного обладателя громкой фамилии и был кем-то вроде средневековой Пэрис Хилтон, имея такое же пристрастие к макияжу, нарядам и маленьким визгливым собачкам. За время своего короткого правления (1087–1100) он прославился тем, что устраивал шумные вечеринки в замках по всей Англии и душил граждан налогами, чтобы оплачивать роскошный стиль жизни. Он был настолько непопулярен, что, когда стрела, выпущенная из лука, «случайно» попала ему в легкое, оставив его умирать там, где он и упал, никто даже не потрудился начать расследование. Было даже что-то символическое в том, что Руфус умер во время охоты в Нью-Форест, на земле, где его отец провел в свое время этническую зачистку англосаксов.

Ходили слухи, что роковая стрела полетела в Руфуса по приказу его младшего брата, Генриха, которому по завещанию Вильгельма Завоевателя достались лишь деньги на покупку кое-какой земли. Генрих участвовал в той фатальной охоте и поспешно, без всяких видимых причин, покинул место действия незадолго до «несчастного случая».

Воспользовавшись тем, что английский трон остался вакантным, а старший брат, Роберт, находился в крестовом походе, Генрих немедленно вступил на престол как король Генрих I. Он оказался совершенно другим правителем. Как и Руфус, Генрих обожал кутежи и развлечения и, говорят, наплодил на стороне чуть ли не двадцать пять детей, но при этом отличался ученостью и политическим умом – неслучайно ему дали прозвище Боклерк, Грамотей в переводе с французского. Он первым осознал важность объединения двух главных народов Англии и женился на англосаксонке Идгит (в модернизированном варианте Эдит), потомке Альфреда Великого. Что интересно, их бракосочетание состоялось 11 ноября 1100 года – дата, несомненно, резонансная с точки зрения нумерологии, призванная придать особую значимость союзу, тем более в эпоху суеверия.

Когда нормандская знать Англии пожаловалась на непроизносимость имени Идгит[24], Генрих I просто-напросто изменил его на англонормандское имя своей матери, Матильда.

Генрих пообещал исправить все ошибки, допущенные при правлении брата, и посадил за решетку главного советника Руфуса, богатого нормандского епископа Ранульфа Фламбара (по прозвищу Ранульф Горячая голова), который отвечал за сбор государственных доходов: эту задачу он исполнял блестяще, торгуя церковными должностями. Но Фламбар стал и первым узником, совершившим побег из нового лондонского Тауэра, откуда улизнул в Нормандию, где присоединился к герцогу Роберту, который только-только вернулся из крестового похода и ломал голову над тем, как бы вырвать английский трон из лап своего наглого младшего брата Генриха.

Роберт, к которому приклеилось прозвище Куртгёз (Короткие штаны) из-за его коротких и толстых ног, был такой же «горячей головой», как и Фламбар, и большую часть своей взрослой жизни воевал против собственного отца, Вильгельма Завоевателя. Эти двое даже встречались лицом к лицу в сражении: сын сбил с ног стареющего отца, но в последний момент пощадил его и оставил в живых. При подстрекательстве Фламбара, в 1101 году Роберт затеял новое нормандское вторжение в Англию, высадившись с небольшой армией в Портсмуте. Однако английские бароны, прежде обещавшие Роберту поддержку, не явились на подмогу, так как Генрих I становился все более популярным королем: одной из его наиболее дальновидных реформ стали налоговые послабления для баронов. В конце концов братья встретились за столом переговоров, и Роберт согласился отказаться от своих притязаний на трон в обмен на регулярный доход и некоторые земли, принадлежавшие Генриху в Нормандии.

Но Генрих не доверял брату и, чувствуя, что Англия стала уже достаточно сильной, чтобы противостоять любым вызовам, сам вторгся в Нормандию. Все прошло на удивление

[24] То, что оно к тому же сложно в написании, их совершенно не смущало, поскольку почти никто из них не умел писать.

гладко. В 1105 году Генрих захватил Байё и Кан, на короткое время вернулся в Англию, дабы урегулировать спор о том, кому – ему или Папе – следует назначать английских епископов, и продолжил военную кампанию, наконец встретившись с Робертом в битве у замка Таншбре под Каном 28 сентября 1106 года. Генрих за час разгромил нормандцев и взял Роберта в плен.

Англия с блеском завоевала Нормандию ровно через сорок лет после того, как Вильгельм Завоеватель высадился на английскую землю: еще одно нумерологическое совпадение.

Теперь Генрих I был таким же могущественным, как и его отец, и, чтобы закрепить свое господство, он на всякий случай нейтрализовал старшего брата. Роберта отправили в тюрьму – по иронии судьбы, в нормандский замок в Кардиффе. А после неудачной попытки побега Генрих распорядился выжечь брату глаза и держать его за решеткой до конца его дней. Любовь к близким родственникам явно не присутствовала в этих англонормандских генах.

История «с душком» на земле Нормандии

В 1135 году королю Генриху Первому шел уже шестьдесят седьмой год, и он начинал подумывать о преемнике. Осенью того же года он отправился в Нормандию, желая навестить дочь Матильду, которая стратегически блестяще вышла замуж за француза Жоффруа, графа Анжуйского, который правил на соседних с юго-западными доменами Генриха в Нормандии землях. Несмотря на недавнее рождение двух внуков, отношения между отцом, дочерью и зятем носили напряженный характер – возможно, потому, что король настойчиво пытался втолковать Матильде, что она, даже будучи его единственной законной наследницей, стать королевой не может, именно в силу того, что наследница. В те времена необходимым требованием для претендентов на английский трон было наличие пениса.

Как бы то ни было, однажды после дневной охоты Генрих вернулся к Матильде и Жоффруа, в замок Шато де Лион в Нормандии (не путать с городом Лион в Центральной Франции), уселся за стол и принялся за свое любимое кушанье – жареных миног. Это уродливые, похожие на угрей существа с ртами-присосками и острыми зубами, которыми они прокалывают живот своих жертв и высасывают внутренности. Сегодня миноги уже почти вымерли из-за своего пристрастия к чистой речной воде, но в Средние века слыли деликатесом, и город Глостер на каждое Рождество присылал монарху пирог с миногами. Генрих обожал миног, несмотря на их уродство, и в тот вечер, 1 декабря 1135 года, говорят, так «переел миног», что умер от обжорства.

Интересно, что в официальной французской версии это событие представлено несколько иначе: вроде бы Генрих съел *lamproies avariées*, испорченные миноги. Похоже, французам просто не понять, как можно переесть деликатеса. Впрочем, учитывая особую жестокость тех времен, резонно задаться вопросом, не содержалось ли в еде Генриха лишних ингредиентов – скажем, небольшой дозы яда.

Как только отошел в мир иной ее отец, Матильда обратилась к английским баронам за разъяснением, можно ли решить гендерную проблему престолонаследия так, чтобы она могла занять трон – как королева или же как регент своего сына. Некоторые бароны присягнули на верность Матильде, но в конечном итоге против нее сыграл брак с анжуйцем – те всегда конфликтовали с нормандцами, – и трон получил один из племянников Генриха – Стефан, граф Блуа и Булони, французский внук Вильгельма Завоевателя.

Стефана уж никак нельзя назвать великим правителем. На самом деле ему удалось потерять не только связь Англии с Нормандией, но и английский трон. Похоже, ему недоставало той самой крови Завоевателя. Отец Стефана, Этьен-Анри, был известным трусом.

Он дезертировал из армии крестоносцев во время осады Антиохии[25] в 1098 году, чем привел свою жену в такую ярость, что она тотчас отослала его обратно на Средний Восток, где его и убили в 1102 году. В общем, для средневекового короля не образец для подражания.

К несчастью для Стефана, Матильда и ее муж, Жоффруа Анжуйский, не собирались сдаваться без боя. В 1139 году Жоффруа начал планомерную кампанию по истощению Нормандии, в то время как Матильда собрала армию анжуйцев для похода на Англию, базируясь в Глостере – столице миног.

Жестокая борьба между дамой из Анжу и господином из Блуа развернулась на британской земле. Война между Матильдой и Стефаном, которая вошла в историю как период Анархии, дала авторам «Англосаксонских хроник» последний шанс (летопись завершалась 1154 годом) поупражняться в злобных выпадах против иностранцев. В записях, относящихся к 1139 году, хронист с грустью сообщает, что обе группировки французских политических дельцов похищали английских «крестьян и крестьянок, бросали их в тюрьмы, отнимали золото и серебро, подвергали неописуемым пыткам». Хотя он и называет пытки «неописуемыми», ему удается достаточно подробно изложить суть дела:

«Их подвешивали за большие пальцы рук или за голову, поджигали ступни; головы обматывали колючей проволокой, стягивая ее, чтобы шипы впивались в мозг… Некоторых помещали в ящик, короткий, узкий и полый, набивали его острыми камнями, вдавливая в них человека, чтобы они переламывали ему кости… Я не могу и не в силах перечислить все ужасы и пытки, которым подвергали несчастных на этой земле».

Конфликт уносил столько жизней, что в итоге обеим сторонам пришлось прийти к соглашению: Стефан продолжит править Англией, но после его смерти трон отойдет сыну Матильды, Генриху (внуку Генриха I). Это был хрупкий компромисс, мало кого он устраивал, и, как пишет в своей «Краткой истории Англии» Дж. М. Тревельян, «Англии несказанно повезло, что он [26] умер на следующий год».

Хочешь поссориться с соседом – укради у него жену

Будущий Генрих II, едва родившись, автоматически стал наследником могущественного Анжуйского графства (благодаря тому, что имел отцом Жоффруа), а также Нормандского герцогства и английской короны. В девятнадцать лет он расширил свои владения новыми землями, женившись на Элеоноре Аквитанской. Опять же благодаря специфическому пункту в анкете соискателя престола о наличии выпуклого детородного органа, Генрих стал герцогом обширных и очень богатых французских территорий – Аквитании и Гаскони, – протянувшихся от Бордо до границы с Испанией.

Этот союз был не только выгодным – его можно считать удачным антифранцузским политическим маневром.

Всего несколькими неделями ранее Элеонора была королевой Франции, женой Людовика VII. Она добилась расторжения брака, мотивируя это тем, что Людовик не произвел на свет наследников мужского пола и, как ей подсказывало чутье, не собирался этого делать, поскольку, тонко заметила она, «он больше монах, чем муж». Как только брак был аннулирован, тридцатилетняя Элеонора сделала предложение юноше Генриху, которого, как она точно предсказала, ожидало блестящее будущее. Несомненно, эта высокая, красивая, хорошо образованная женщина знала, чего хочет, и знала, как это получить. К тому же она успела проверить родословную Генриха, переспав с его отцом.

---

[25] Антиохия-на-Оронте – город в древней Сирии, на юге современной Турции. – *Примеч. пер.*

[26] Стефан

В результате в 1154 году, после того как король Стефан умер, Генрих (теперь уже двадцатиоднолетний) добавил новый титул – король Англии – в свою и без того перегруженную визитную карточку, и теперь под его властью оказалось больше «французских» земель, чем у Людовика VII. Если взглянуть на карту Франции того времени, можно увидеть, что домены Генриха и Элеоноры солидным пластом покрывали всю западную часть страны, захватывая почти все северное побережье и спускаясь вниз через центр Франции, оставляя за пределами разве что Париж. Для сравнения, территории Людовика VII на карте напоминали вытянутые лягушачьи лапки – от запада Кале, вниз через Париж и дальше к Средиземному морю. Становится совершенно понятным, кто правил Францией в те дни, и это был не французский король.

Генрих II – первый английский король из рода Плантагенетов, обязанного своим названием ветке дрока (латинское название растения *planta genista*), которой его отец Жоффруа имел обыкновение украшать свою шляпу. И как Плантагенет Генрих стал основателем династии, которой предстояло править Англией в течение 330 лет. Этого он знать, разумеется, не мог, но все равно действовал так, будто закладывал фундамент на века.

Он укротил капризных баронов как в Англии, так и во Франции, разрешая им откупаться от военной службы, что позволило ему содержать профессиональную армию наемников. Он ввел суды присяжных, и это означало, что, по крайней мере, на слушаниях будут учитывать доказательства, а не просто заставят обвиняемого ходить босиком по раскаленным углям и объявят виновным, если у него на ступнях вздуются волдыри. Возможно, памятуя о своем деде и миногах, Генрих был щедр к голодающим, перераспределяя в их пользу десятую часть всего продовольствия, что поставлялось в его замки.

Позор, конечно, что французы одержали одну из своих самых блестящих побед – хотя и малоизвестную, – когда опорочили доброе имя короля Генриха.

Убийство в соборе

Пятном на репутации Генриха II лежит убийство Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского. Впрочем, в защиту Генриха следует подчеркнуть, что не он один повинен в этой смерти. Об этом не так часто говорят, но отчасти вина лежит на Франции.

Обстоятельства убийства хорошо известны. В 1170 году Генрих во всеуслышание жалуется на Бекета, который отказывается уважать власть короля. Четверо королевских придворных воспринимают эту жалобу как руководство к действию и отправляются в Кентербери, где проламывают Томасу череп, забрызгивая его мозгами пол кафедрального собора.

Однако мало кто знает, что Томас Бекет провел предыдущие два года в ссылке во Франции, покинув Англию с тем, чтобы избежать подписания соглашения, которое могло бы ослабить влияние Церкви. Во Франции Томас был гостем Людовика VII, неудачливого любовника, которого отвергла Элеонора, ставшая женой Генриха. Можно себе представить, как Людовик коротал долгие средневековые вечера у камина, убеждая Томаса в том, насколько он прав в своем противостоянии безбожнику англичанину, укравшему чужую жену. Все это может объяснить, почему Томас по возвращении в Англию с еще большим рвением продолжает политическую борьбу с Генрихом.

Томас был настолько уверен в себе, что, по сути, сам спровоцировал собственное убийство. Ведь рыцари Генриха вошли в собор без оружия, они просто хотели, чтобы архиепископ пошел с ними и объяснился с королем. И только когда Томас, мягко говоря, «послал» их, они вышли из собора и вернулись с мечами.

Короче говоря, если бы Томас не провел два года за изучением искусства французской дерзости, он вполне мог мирно умереть в собственной постели – в конце концов, ему было

уже хорошо за пятьдесят на момент убийства, – а Генрих II остался бы в памяти потомков исключительно как один из величайших английских королей, а не как убийца священника.

Фактически это убийство стоило Генриху больше, чем подмоченная репутация: оно стало одним из событий, приведших к его окончательному падению.

Генрих и Элеонора родили восемь детей, из них пятеро – сыновья. Но отношения супругов отличались напряженностью, они постоянно соперничали друг с другом в борьбе за власть в своей объединенной империи. Элеонора, похоже, подстрекала родную Аквитанию к независимости от власти короля Генриха, в то время как Генрих не стеснялся нападать на Тулузу и другие принадлежавшие семье Элеоноры города. Элеонору еще больше задевало и совсем не монашеское поведение Генриха, который не отличался супружеской верностью и даже не побрезговал вступить в связь с невестой собственного сына, Ричарда. И хотя обычно Элеонора закрывала глаза на похождения супруга, она отказалась проигнорировать Розамунду Клиффорд, красивую молодую любовницу, которую Генрих прозвал *rosa mundi* («роза мира»). Как только на сцену вышла Розамунда, Элеонора начала обрабатывать сыновей Генриха, призывая их покромсать отцовскую империю своими принценосными мечами. Пожилой Генрих все больше напоминал стареющего льва во главе прайда: молодые самцы кусали его за пятки, выискивая слабые места, постоянно наущаемые старшей львицей, Элеонорой.

Внезапно король Англии оказался атакован из Франции, причем своими собственными сыновьями. Самым дерзким смутьяном был его второй сын (но старший из выживших), тоже Генрих. Молодой Генрих давно точил зуб на отца. В детстве он воспитывался как приемный сын Томаса Бекета и, говорят, не раз заявлял, что в день Томас выказывал ему больше отцовской любви, чем король Генрих за всю жизнь; немудрено, что его глубоко опечалило убийство Бекета.

Ричард тоже был честолюбив сверх меры и не уставал предъявлять требования на землю, подкрепляя их постоянными набегами и нападениями. Так что бедняге королю Генриху II пришлось наблюдать за распадом собственной семьи.

Молодой Генрих умер от дизентерии после неудачной попытки завладеть отцовской собственностью – городом Лиможем в Центральной Франции. Вскоре после этого его брат Жоффруа, который отсиживался в Париже после провального бунта, лишился жизни там же в ходе рыцарского турнира.

Только Джон оставался верен отцу, хотя и был слабым утешением – в конце концов, именно он способствовал падению Генриха.

Летом 1189 года Ричард прослышал, что его отец хочет отдать Аквитанию Джону. Взбешенный перспективой потерять такой лакомый кусок своего законного наследства – ведь он остался старшим среди сыновей, – Ричард положил начало очередной волне отцеубийственных восстаний в Анжу. И на этот раз нашел брешь в обороне Генриха – уговорил младшего брата Джона предать отца.

Капеллан Генриха II, уэльско-нормандский хронист по имени Джеральд Уэльский, описывает полотно, украшавшее одну из комнат королевского замка в Винчестере. На нем изображен орел, которого клюют три цыпленка, а со стороны за ними наблюдает еще один цыпленок, самый маленький. Говорят, Генрих, когда его спрашивали, в чем смысл этой странной сцены, объяснял, что цыплята – это его сыновья, а младший, «которого я сейчас окружаю самой большой заботой и нежностью, однажды доставит мне больше всего боли». Правда это или притча, придуманная уже по следам событий, сказать трудно, но страшное совпадение налицо.

Генрих отправился в Анжу, чтобы отстоять свою власть, но Ричард и его союзники (к которым примкнул и сын Людовика VII, Филипп Август) встали на дыбы, и Генрих решил

уступить всем их требованиям. В любом случае, к этому времени сердце старого короля уже было в буквальном смысле разбито предательством Джона.

В считаные дни после капитуляции перед сыновьями и их французскими союзниками – 6 июля 1189 года – Генрих II умер в Шинонском замке (где когда-то держал в заточении свою супругу Элеонору). Говорят, что он умер от горя, и когда Ричард, явно лицемеря, пришел проститься с Генрихом, у мертвого короля из носа начала сочиться кровь, словно в доказательство того, сколько головной боли доставил ему блудный сын.

Но Ричард не страдал сентиментальностью: он тут же короновался как герцог Нормандии, после чего отправился прямиком в Лондон, чтобы вступить на престол в качестве короля Англии.

Продается столичный город, полный антиквариата

Ричард I (Львиное Сердце) вошел в историю как великий король Англии, но фактически из десяти лет владения короной всего семь месяцев провел в стране, которой должен был править. Он предпочитал буйствовать за границей, и чаще можно было видеть, как он защищает жителей Восточного Средиземноморья от любой свободы вероисповедания или вышибает потенциальных узурпаторов из обширных французских владений, унаследованных от родителей: Ричард был не только королем Англии, но и герцогом Нормандии, Аквитании и Гаскони, графом Анжуйским и Нантским, лордом Бретани.

Он не испытывал особой привязанности к Англии и даже говорил, что «продал бы Лондон, найдись покупатель», чтобы оплачивать свои крестовые походы.

Ричард как раз находился в одном из таких походов, когда его младший брат Джон продолжил семейную традицию заговоров против ближайших родственников, тем самым обеспечив себе роль злодея в бесчисленных фильмах о Робин Гуде, вместе с шерифом Ноттингемским. Во всяком случае, легенда пытается убедить нас именно в этом. Потому что, помимо заверений турагентов от Римского вала до Уилтшира[27], других доказательств существования Робин Гуда как не было, так и нет. Или, по крайней мере, существования одного-единственного Робин Гуда, каким мы его знаем. Дело в том, что в Средние века это было очень распространенное имя: Робин – как сокращенный вариант Роберта, а Гуд – как альтернатива Вуда[28]. Робин Гуд мог быть и собирательным образом героя разбойника, точно так же как слово «хулиган» обязано своим происхождением далеко не законопослушной семейке, которая промышляла в Лондоне в 1890-х годах.

Народные баллады, прославляющие героические подвиги Робин Гуда, относятся к тринадцатому веку. Их пронизывает идея сопротивления властям – тема привычная для того времени, когда простой люд работал до седьмого пота, но мог запросто оказаться на виселице по прихоти хозяина. В балладе «Подвиг Робин Гуда», записанной в конце пятнадцатого века, но вполне возможно, что и гораздо позже, «Робин разъясняет свои цели другу, Малышке Джону»:

Эти епископы и архиепископы,
Их надо бить и вязать,
А шерифа Ноттингемского
Первым из них поймать…

[27] Римский вал – древнеримская стена, созданная для защиты северных границ Англии от нападения кельтских племен; Уилтшир – графство на юге Англии. – *Примеч. пер.*

[28] *Wood* (*англ.*) – лес. – *Примеч. пер.*

Епископы, архиепископы, шериф – все это столпы средневековой власти, и Робин Гуд призывает крушить их.

В балладах Робин помогает не только бедным, в одной из них он дает денег рыцарю, чтобы тот вернул долг аббату. А в ранних источниках практически не упоминается о том, как Робин помогает королю Ричарду в борьбе против брата Джона – похоже, это добавили позднее, чтобы возвысить Робина, отведя ему чуть более значимую роль, нежели простое перераспределение богатства. На самом деле для среднего англичанина Ричард был скорее финансовым бременем, нежели королем; в 1193 году его взял в заложники один из его многочисленных врагов, Генрих VI, император Священной Римской империи, который затребовал за него выкуп в размере 150 000 марок (что втрое превышало годовой доход английской короны). Деньги были собраны за счет массового и грабительского повышения налогов в стране, чему поспособствовал и Джон, предложивший 80 000 марок в качестве взятки за то, чтобы Ричарда попридержали в тюрьме.

Освобождение Ричарда и его возвращение в Англию для спасения страны от неэффективного управления Джона обычно преподносится как драматическая концовка сказки о Робин Гуде, но Ричард не стал надолго задерживаться среди своих английских подданных, даже из чувства благодарности, – зов войны и желание устроить порку французам оказались слишком сильны. Воспользовавшись временным заточением Львиного Сердца, старый союзник Ричарда, Филипп Август, ныне король Франции Филипп II, пытался прибрать к рукам удерживаемые англичанами земли в Нормандии и Анжу. Поэтому Ричард спешно прикарманил все деньги из государственной казны и снова покинул Англию, на этот раз навсегда.

Последние пять лет своей жизни он посвятил войне с французским королем-грабителем. И провел ее настолько успешно, что после битвы при Жисоре на севере Франции в сентябре 1198 года смог твердо заявить о своей независимости и от короля Франции и Англии. До этого, будучи герцогом или графом французских территорий, Ричард, как и все английские монархи, теоретически был феодальным вассалом Филиппа Августа. Отныне Ричард руководствовался дошедшим до наших дней королевским девизом *Dieu et mon droit* («Бог и мое право»), который весьма красноречиво, да еще и на французском языке, так чтобы Филиппу Августу было проще понять, объяснял, что король Англии присягает на верность одному только Богу. Но даже при этом имеет свои права.

И все-таки именно Франция окончательно добила Ричарда.

В марте 1199 года он подавлял мятеж в родной Аквитании, затеянный «мелкой сошкой», французским виконтом, и вел рутинную осаду замка Шалю, который защищали всего несколько рыцарей, причем один из них вместо щита использовал обычную сковороду. Ричард настолько был уверен в победе, что однажды вечером пошел побродить вдоль крепостного рва без лат, словно дразня неприятеля. К несчастью, тот самый рыцарь со сковородой отважился выстрелить из арбалета, и стрела попала Ричарду в шею. В результате неумелых действий хирурга[29], который вытаскивал стрелу, в рану попала инфекция, и вскоре Ричард оказался на смертном одре.

По легенде, к умирающему Ричарду привели для прощения того самого французского арбалетчика. Солдат оказался мальчишкой – вроде бы по имени Пьер Базиль, – и он сказал Ричарду, что выстрелил в него из мести, поскольку англичане убили его отца и брата. По английской версии, Ричард был настолько тронут, что благословил парнишку и даже щедро одарил его наличными.

Некоторые французские источники утверждают, что коварный Ричард приказал убить арбалетчика, но это не что иное, как антианглийская фальшивка. Похоже, дело было так: тот-

[29] Франция еще не создала свою превосходную систему здравоохранения.

час после смерти Ричарда 6 апреля 1199 года командир его наемников (кстати, француз) приказал казнить всех защитников замка Шалю через повешение на крепостном валу. А самую суровую кару он приготовил для юного Пьера Базиля, с которого заживо содрали кожу – не иначе как в наказание за убийство богатого работодателя.

Впрочем, французские историки скажут что угодно, лишь бы опорочить репутацию английского короля.

Плохой король Иоанн, случайный герой

Преемник Львиного Сердца, Иоанн (Джон) был действительно ужасным королем для Англии. Современники высмеивали его, придумав прозвища Безземельный и Мягкий меч: последнее он получил за свои военные поражения, но, очевидно, подразумевались и некоторые его физиологические особенности. Однако в том, что касается англо-французской истории, Иоанн обладал единственным неоспоримым качеством – он очень умело раздражал Францию.

В считаные месяцы после своего восшествия на престол он оказался впутанным во французский любовный треугольник, который непременно привел бы в восторг современные таблоиды. В 1200 году он встретил Изабель, дочь графа Ангулемского, и, ослепленный ее красотой (а также обширными землевладениями), похитил ее и женился на ней, несмотря на то что ей было всего двенадцать лет и она уже была помолвлена с французским виконтом.

В те времена часто похищали несовершеннолетних девушек, но обманутый жених пожаловался французскому королю, заклятому врагу Ричарда, Филиппу Августу, и тот призвал Иоанна явиться ко двору. Иоанн ответил отказом, на том основании, что, будучи королем Англии, он сам себе голова и никому не подотчетен, – *«Dieu et mon droit», n'est pas?*[30]

Филипп Август возразил, что, невзирая на любые умные девизы, которые мог придумать Ричард, король Франции по-прежнему остается феодалом Иоанна в Аквитании, а потому имеет над ним власть. Он подкрепил свои слова тем, что лишил Иоанна всех его французских земель, кроме Гаскони, которая ему была и даром не нужна, поскольку там обитали беспокойные баски, и к тому же она находилась слишком далеко от Парижа, чтобы ее можно было удерживать под контролем.

Эта конфискация настолько ослабила Иоанна, что французы даже осмелились вторгнуться в традиционно принадлежавшую его семье Нормандию. Одним ударом империя Генриха Второго и Ричарда Львиное Сердце, покрывавшая запад Франции огромным английским флагом, съежилась до размеров Англии и Биаррица.

Затем Иоанн схлестнулся с Церковью в споре о том, кто имеет право выбирать архиепископа Кентерберийского – в продолжение все того же скандала, который спровоцировал отца Иоанна, Генриха Второго, на убийство Томаса Бекета. Папа именем Господа отлучил Иоанна от Церкви и объявил Филиппа Августа настоящим, Богом благословенным королем Англии. В целях самосохранения в 1213 году Иоанн отступился от своих требований и даже согласился, чтобы Папа стал феодалом Англии, и предложил платить ренту Риму. Унизительное поражение, но оно обернулось победой над Францией, поскольку поколебало уверенность Филиппа Августа в своих силах: он уже собирал армию на берегу Ла-Манша, чтобы отстоять свои права на Англию, а теперь у него не имелось достойного повода для вторжения. В то же время, по счастливому стечению обстоятельств, английский флот разбил французский, подлив соленой воды на рану Филиппа Августа.

С несвойственной ему, и безрассудной, смелостью Иоанн решил закрепить удачу, атаковав Францию. Но летом 1214 года его армия была разбита, сначала в сражении под Ля-

[30] «Бог и мое право», не так ли? – *Примеч. пер.*

Рош-о-Муэн в Анжу (где Иоанн отличился, бежав с поля боя), а потом в битве при Бувене, на самом севере Франции, после которой Иоанну пришлось принять унизительные условия мира, отказавшись от притязаний на Нормандию и Бретань.

К несчастью для короля Иоанна, история еще не могла подсказать ему, что англичанину лучше оставить в покое однажды с успехом разозленного француза – пусть дуется! – вместо того чтобы предоставлять ему шанс отыграться.

Англичане получают французского короля

Последствия этой череды унижений и недооценки противника обернулись тем, что собственные бароны Иоанна утратили к нему доверие и заставили его подписать Великую хартию вольностей, которая, по сути, защищала самих баронов от несправедливости любого будущего правителя, особенно такого неудачливого, как Иоанн.

Чтобы как следует подстраховаться, бароны пригласили узурпировать английский трон французского наследного принца Людовика, и в 1216 году он ненадолго стал Людовиком I, королем Англии. Кто-то назовет это деяние гнусным предательством английских баронов, но в нем была своя логика. Многие бароны владели землями как в Англии, так и в Нормандии, поэтому не считали себя обязанными хранить исключительную верность той или иной стороне Ла-Манша. Вполне возможно, они рассудили так: французский король, правящий Нормандией и Англией, феодал ничуть не хуже, чем любой английский король, а может, даже и лучше, если не станет ввязываться в затратные войны и душить подданных налогами.

Однако в октябре 1216 года, после того как Иоанн умер от дизентерии во время бегства от французских завоевателей, бароны сделали проанглийский выбор, отказавшись от присяги Людовику в пользу сына Иоанна, которого короновали как Генриха III. Не исключено, что это было сделано только потому, что Генриху в то время исполнилось всего лишь девять лет, а потому им было легко управлять – достаточно было забрать у него игрушечную лошадку, чтобы он согласился урезать налоги. Но это решение изолировало Англию от Франции и заставило самых влиятельных англичан, которые всегда считали себя нормандскими экспатами, примириться с тем, что после 150 лет пребывания на английской земле их семьям суждено остаться здесь навсегда.

Эта растущая англонизация стала еще более ощутимой с 1227 года, когда Генрих III достиг совершеннолетия и начал править без регента. Он пригласил ко двору кучу иностранных советников, включая французских членов своей семьи по материнской линии, а усугубил ситуацию женитьбой на двенадцатилетней графине, Элеоноре Прованской. Невеста-дитя прибыла в окружении вездесущих франко-итальянских кузин, дерзкое поведение которых при дворе сделало Элеонору настолько непопулярной, что лондонцы однажды попытались потопить ее баржу, когда она курсировала по Темзе.

Епископ Линкольна, Роберт Гросстест[31], был самым активным противником сложившегося положения и открыто критиковал короля Генриха, жалуясь, что французские придворные «иностранцы и худшие враги Англии. Они даже не говорят по-английски».

Французы, которым только дай повод, подлили масла в огонь этого националистического спора. В 1244 году французский король Людовик IX (сын наследного принца Людовика, которого приглашали править Англией) объявил: «Тот, кто живет в моей стране, но владеет землями в Англии, не может служить двум хозяевам. Он должен подчиняться либо моей власти, либо власти английского короля».

Раскол между Англией и Францией практически состоялся.

[31] Это англо-нормандское имя в переводе означает «Башковитый» и не имеет ничего общего с размером яичек.

Англия покорно принимает наказание и извлекает уроки

Французам повезло, что Англия пока была не готова к атаке на Францию, поскольку короли Эдуард I и Эдуард II, которые правили в период с 1272 по 1327 год, всю свою мощь обрушили на шотландцев и уэльсцев. В ответ они получили немало болезненных ран, включая сокрушительное поражение английской армии в битве при Баннокбурне в 1314 году. Однако это избиение руками шотландцев и уэльсцев имело два положительных последствия, которым суждено было стать головной болью для французов.

Во-первых, англичане на собственной шкуре испытали смертоносную силу больших луков уэльсцев. Это оружие не шло ни в какое сравнение с тем луком, из которого (возможно) был убит Гарольд в битве при Гастингсе. Уэльский лук имел в длину пять-шесть футов – был даже выше, чем лучник, – и мог стрелять тяжелыми стрелами с железным наконечником, с предельной точностью поражая цель на расстоянии 250 ярдов. Разница между уэльским и обычным луками была примерно такой же, как между мушкетной дробью и снайперской пулей. Нужны была практика длиною в жизнь и недюжинная сила, чтобы оттянуть тетиву шестифутового лука, и после поражения от уэльсцев английские просторы вскоре наполнились звуком свистящих стрел. Недалек был тот день, когда этому звуку предстояло повергнуть в дрожь французских рыцарей в латах.

Во-вторых, в битве при Баннокбурне двадцатитысячная армия Эдуарда II уступила малочисленной шотландской пехоте Роберта Брюса, во многом из-за того, что англичане пытались сражаться в тяжелых доспехах на болотистом грунте. Они извлекли урок из своей ошибки и в следующем веке дважды заманивали французов в такую же точно ловушку.

Эдуард II был непопулярным королем. Мало того что он умел талантливо проигрывать сражения, так еще был откровенным геем, что пока не вошло в моду среди английской знати, несмотря на пионерский опыт Вильгельма Руфуса стодвадцатилетней давности, подхваченный, как утверждают, Ричардом Львиное Сердце.

В конце концов жена Эдуарда, французская принцесса Изабелла, за свой нрав прозванная Французской Волчицей, организовала его смещение с престола и убийство в 1327 году при ужасных обстоятельствах. Как сообщалось, Эдуарда, пребывавшего в заточении в замке Беркли под Глостером, пригвоздили к кровати, после чего в его задний проход вонзили рог или металлическую трубку. И словно этой жути было недостаточно, раскаленный докрасна железный прут, введенный затем в трубку, сжег внутренности Эдуарда и убил его.

Пока с ним творили это безобразие (если творили, поскольку другие источники утверждают, что Эдуарда задушили), Англия пребывала в состоянии депрессии. Нация была доведена до нищеты неурожаями и бесплодными попытками ее правителей одолеть кельтских соседей. К тому времени она успела лишиться еще одного из своих владений во Франции, Гаскони, которую французы захватили играючи. В общем, жуткая смерть Эдуарда II предстает символом Англии, к которой недавнее прошлое повернулось своим задним местом.

Неудивительно, что у страны возникло острое желание снова встать на ноги и обрести чувство собственного достоинства. Англия привела себя в боевую готовность перед Столетней войной, самым долгим в британской истории военным конфликтом с единственным противником. И таковым была выбрана Франция.

Глава 3
Столетняя война: огромная ошибка
«Сто лет» с 1337 по 1453 год: ошибка арифметическая, и не только

В ролях: Черный принц, Генрих V и много жертв со стороны французов…

Большинство из тех, кто пишет о Столетней войне, настойчиво обращают внимание читателей на очевидную ошибку в расчетах: конфликт, начавшийся в 1337 году и закончившийся в 1453 году, длился больше века. Особенно разочаровывает то обстоятельство, что название войне дали викторианцы, которые были сильны в математике, поскольку им приходилось делать много измерений, составляя карты их растущей империи.

Впрочем, причины этой ошибки коренятся гораздо глубже, так как уже в названии войны просматривается явная попытка очковтирательства. Для начала заметим, что это была не война как таковая: речь идет о цепочке конфликтов, которые то вспыхивали, то угасали, в зависимости от того, как скоро у английских королей пополнялись запасы сил и наличности для продолжения боевых действий. И хотя даты, которые у всех на слуху, связаны с известными битвами – Креси (1346 год) и Азенкур (1415 год), – не стоит обольщаться насчет того, что Столетнюю войну вели армии рыцарей и лучников, сражаясь за своего короля и свою страну на полях боевой славы.

Если не считать нескольких эпизодов рыцарских баталий, «война» была, проще говоря, ста шестнадцатью годами физического насилия, которому подвергалось гражданское население Франции. Этот период террора развязали бесчинствующие и неуправляемые английские бандиты, которые заявляли, будто защищают права короля, но на самом деле активно занимались личным обогащением, при этом убивая все больше и больше людей.

За этот более чем вековой период ни один город Северной Франции не избежал осады, крестьяне не могли спокойно работать на полях, если не размещали на вершинах холмов, колоколен или просто в кронах деревьев сторожевые посты. Когда на горизонте появлялось облако пыли, фермеры тотчас бросали орудия труда и бежали, поскольку знали: любой мужчина, пойманный живьем англичанами, будет, если он богат, содержаться под стражей до выплаты выкупа; тот же, кто не сможет заплатить выкуп, будет убит, причем, как правило, после жестоких пыток, признавшись, где спрятаны его скудные сбережения. Все это в равной мере относилось и к взятым в плен женщинам, с той лишь разницей, что их еще подвергали зверскому групповому изнасилованию. Можно сказать, что это была не столько Столетняя война, сколько век геноцида, санкционированного королем (а значит, по феодальной логике, самим Богом).

Франкоязычная Википедия так суммирует сведения о Столетней войне (*La guerre de Cent Ans*): «Годы: 1337–1453. Результат: победа Франции». Но это все равно что сказать: «„Черная смерть“[32]: 1349—51. Результат: победа человека». В этих скупых записях нет и намека на огромные страдания и лишения, и в ходе Столетней войны все эти жертвы пришлось понести Франции.

[32] «Черная смерть» – название чумы в Европе в XIV веке. – *Примеч. пер.*

Позлить французов ради забавы и барышей

Вопрос: с чего вдруг англичане решили развязать такую жестокую кампанию против своих соседей? Ответ, как всегда в подобных случаях, прост: потому что они могли это сделать. Или, точнее, потому что они не могли провести ее в любой другой стране. На востоке обитали фламандцы, союзники. Шотландцы и уэльсцы на севере и западе уже доказали, что они крепкие орешки, да и улов с них был не так уж богат. С другой стороны, Франция была, как вдова в Карибском круизе: богатая, доступная, удобная.

В начале 1300-х годов Франция, в сравнении с Англией, была очень зажиточной страной. Ее сельские угодья считались самыми продуктивными в Европе, страну вдоль и поперек пересекали торговые пути из Средиземноморья и с Востока. Неудивительно, что население не только росло численно, но и становилось все более искушенным: в то время как англичане все еще жевали репу, французы снобистски рассуждали о том, сколько перца следует класть в *soupe à l'oignon*[33].

Более того, король Филипп VI полновластно правил почти всей Францией. Однако его положение, если рассматривать его с английского берега Ла-Манша, было не только привилегированным, но и опасным. В качестве еще одной метафоры надвигающейся войны подошла бы такая: представьте себе, что свора английских мужланов с банками пива в руках вдруг видит загорающего на пляже французского плейбоя. Вот он, какой красавчик, и «ролекс» посверкивает на солнце, и глаза защищены супермодными «рэйбанами», а в ушах наушники, воткнутые в айпод лимитированной серии. Даже плавки у него с обложки модного журнала «Вог Ом». Искушение подойти и плеснуть пивом ему в лицо (или чем-нибудь покрепче) непреодолимо. Да к тому же есть шанс поживиться дизайнерскими шмотками и выбить французу пару его чересчур ровных зубов. А потом прижечь его сигаретами, пока не скажет ПИН-код своей кредитки. Короче говоря, война обещала быть жестокой, расистской и бандитской. Но главное, она обещала быть веселой.

Новый английский король, Эдуард III, был не то чтобы деревенщиной и любителем пива, но этот пятнадцатилетний отпрыск только что вырвался из беспокойного детства. Как мы уже видели в главе 2, его отца, вероятно, сожгли изнутри раскаленным докрасна суппозиторием, и Эдуард знал, что это было сделано с молчаливого одобрения его матери, королевы Изабеллы. Молодой принц, вероятно, догадывался и о том, что ему удалось избежать такой же участи исключительно потому, что его существование позволяло Изабелле править Англией с регентом – ее любовником, эрлом Роджером Мортимером. Но когда Изабелла забеременела от Мортимера, Эдуард, скорее всего, почувствовал задним местом жар раскаленного металла и октябрьской ночью 1330 года проломил дверь материнской спальни топором и выволок оттуда Мортимера – на виселицу, на дыбу, на четвертование, – а Изабеллу посадил под арест в Норфолке, где, как говорят, у нее случился выкидыш. «Помог» ли ей в этом кто-то из сподвижников Эдуарда, неизвестно, но достаточно сказать, что король очень кстати лишился еще одного потенциального соперника в борьбе за трон.

Теперь Англией правил переживший других наследников подросток, который так и рвался в бой. И для начала он рванул на север и прошелся огнем по Южной Шотландии, выпустив пар, скопившийся после Баннокбурна. Эдуард лично возглавил армию лучников в победоносной битве против шотландских копьеносцев при Халидон-Хилле близ Берика в 1333 году и вернулся в Лондон, приветствуемый восторженными жителями как «новый король Артур». Он вкусил не только победы, но и мести.

---

[33] Луковый суп (*фр.*). – *Примеч. пер.*

Именно тогда король Франции Филипп VI совершил роковую ошибку, раззадорив молодого и дерзкого правителя.

В мае 1334 года Филипп пригласил к себе десятилетнего короля Шотландии, Давида II, чтобы мальчик мог укрыться от англичан, и предупредил Эдуарда III, чтобы тот прекратил запугивать малютку Дэйви. Это была провокация чистой воды, поскольку посредством такого предупреждения Филипп напомнил старую французскую дразнилку о том, что король Англии является вассалом короля Франции. Заявление Ричарда Львиное Сердце, будто король Англии подчиняется одному только Богу, похоже, совсем не убедило французов. И словно подливая масла в огонь, епископ Руана прочитал проповедь, радостно объявляя о том, что шеститысячная французская армия готова выступить на защиту Шотландии от английских завоевателей.

Так что король Эдуард сделал то, что на его месте сделал бы любой здоровый и энергичный англичанин: он заявил о своих правах на французский трон.

Все королевы незаконны, но некоторые менее незаконны, чем остальные

Мать Эдуарда, Изабелла, уже пыталась истребовать для себя французский трон в 1328 году. Она была сестрой недавно скончавшегося короля Франции Карла IV, который оставил после себя единственного наследника – малышку дочь. Изабелла не замедлила объявить себя наиболее подходящей кандидатурой на роль преемника. Однако ассамблея, собравшаяся на дебаты о наследовании трона, отказала Изабелле, ссылаясь на то, что, как записал хронист Жан Фруассар, «Французское королевство настолько величественно, что не должно попасть в женские руки».

Между тем вакантный трон захватил Филипп VI, тридцатипятилетний чемпион рыцарских турниров, в распоряжении которого имелась большая армия – весьма веский аргумент в спорах о том, кому быть средневековым правителем. И Эдуард III, казалось, уже забыл о притязаниях своей матери на французскую корону, когда в 1334 году Филипп совершил ту самую ошибку, объявив себя сторонником Шотландии.

Раздувал ссору и близкий ко двору Эдуарда французский аристократ и интриган, пятидесятилетний бонвиван по имени Робер д'Артуа. Робер, приходившийся шурином королю Филиппу VI, сбежал в Англию, после того как, по слухам, отравил свою тетю при попытке украсть ее наследство. Если даже так, то это мелочь по тем временам, конечно, но Робер был приговорен к смерти и изгнан из страны. Когда Филипп VI объявил о том, что любой, кто приютит Робера, станет его заклятым врагом, Эдуард с радостью принял изгоя, жаловал ему титул эрла и предоставил три замка. Если это был вызов, то недвусмысленный.

Классический шурин и француз до мозга костей, Робер не мог избежать соблазна постоянно жаловаться на Филиппа и подталкивал Эдуарда к тому, чтобы тот предъявил свое законное «право на наследство». В поэме того времени «Клятва цапли» можно прочесть, что Робер обострил тему на банкете в 1338 году, когда сказал, что Эдуард III боится вторгаться во Францию, и склонил влиятельных гостей званого обеда к обещанию помочь Эдуарду отвоевать французский трон. Робер добился этого, принеся клятву над отварной цаплей (робкой птицей, символизирующей трусость[34]) и заставив гостей придумывать вариации этой клятвы – такие забавы на банкетах были в моде в начале четырнадцатого века.

Не успели гости высказаться, кто из них хочет вытянуть грудную кость цапли, как Эдуард объявил, что намерен сражаться за французскую корону, и даже придумал себе новый

[34] Тогда как его любимым блюдом были, разумеется, лягушки. Хотя в XIV веке слово «лягушатник» еще не использовалось как оскорбление в адрес французов – его обычно удостаивались живущие на болотах голландцы.

герб, в котором сочетались английские львы, стоящие на задних лапах, и французская лилия. Новое англо-французское знамя, вместе с таким же щитом, шлемом, камзолом и униформой оруженосца, было самым грубым и провокационным оскорблением, какое только мог придумать Эдуард – ну, что-то вроде того, как переспать с женой нынешнего француза и выложить это видео на «Ю-Тьюбе». Всего одним штрихом Эдуард дал понять, что надвигающаяся война будет действительно очень жестокой.

Где взять денег на войну

Эдуард III был уже далеко не беспокойный юнец. К своим двадцати с небольшим он стал по всем меркам хорошо воспитанным и образованным мужчиной, который даже умел писать. Его родным языком был англонормандский, как и у всех представителей его класса, но он мог свободно говорить по-английски, как коренной англичанин (кем он, разумеется, и был), понимал латынь, немецкий и фламандский языки. К тому же он обладал, как выразился один из его современников, «лицом Бога» и использовал это по максимуму, соблазняя бесчисленных поклонниц золотыми кудрями, королевской улыбкой и, несомненно, эксцентричной фламандской шуткой.

Впрочем, он не растрачивал свое обаяние исключительно на сексуальные объекты и, как только настроился на войну, принялся довольно ловко обхаживать богатых банкиров и торговцев из Италии, Голландии и Англии, формируя с их помощью военный бюджет. Позже почти все они обанкротились, когда он не смог с ними расплатиться.

Эдуард заложил не только собственную английскую корону, но и ту, которую приказал изготовить с оптимистическим настроем на будущую коронацию во Франции.

Филипп VI, напротив, испытывал серьезные трудности с финансированием своей военной кампании. Даже в те времена французы предпочитали игнорировать законодательство, и многие из них отказывались платить налоги. Филиппу пришлось прибегнуть к таким непопулярным мерам, как повышение пошлин на соль и девальвация национальной валюты, выведя из обращения серебро и заместив его монетами из дешевого металла. В конечном итоге он был вынужден пополнить свой военный бюджет, заняв миллион золотых флоринов у Папы[35].

Филипп направил вырученные средства на мобилизацию шестидесятитысячной тяжелой кавалерии, большую часть которой составляли аристократы, мечтающие быть произведенными в рыцари. Эдуард предпринял нечто более или менее противоположное, разослав английским констеблям и судебным приставам указание прислать к нему наиболее подходящих для войны кандидатов в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Наряду с отбором лучших лучников местные чиновники воспользовались возможностью отправить на войну воров и убийц.

Так что, в то время как французские аристократы примеряли тяжелые доспехи и проверяли друг друга на знание рыцарского устава, тысячи английских уголовников обменивались советами, как лучше протыкать этих щеголей.

Резня с красивым названием

Если нужно хоть какое-нибудь оправдание тем ужасам, каким подверглась Франция, тогда стоит заметить, что первыми начали французы.

---

[35] В те времена Церковь, похоже, куда более либерально трактовала те из десяти заповедей, что имеют отношение к убийствам и кражам чужого имущества.

В 1337 году они повадились устраивать набеги на побережье Англии, а в течение следующего года напали на Рай, Гастингс, Портсмут, Саутгемптон, остров Уайт и Плимут и устроили там грабежи. Французы захватили английские торговые суда, а французские корабли даже заходили в устье Темзы. Поползли слухи о массированном французском вторжении, и говорили, что взятых в плен кентских рыбаков пытали, а потом прогнали по улицам Кале.

Англичане быстро сообразили, что этот разбойный бизнес – неплохая идея, и вскоре нормандские и бретонские порты на себе испытали все прелести мародерства. Иногда английским налетчикам даже удавалось украсть то, что недавно было вывезено из их родных городов. С тех пор для любого корабля воды Ла-Манша стали опасным местом.

А потом состоялось настоящее вторжение. В сентябре 1339 года Эдуард III атаковал Францию силами пятнадцати тысяч воинов, многие из которых были нидерландскими и германскими наемниками, которым он платил взятыми в долг деньгами. Филипп VI поджидал их в местечке под названием Ла-Фламангри в Северо-Восточной Франции с тридцатипятитысячной армией. И хотя Филипп имел численное превосходство, он предложил провести вместо битвы нечто вроде спортивного состязания, турнир между французскими паладинами – самыми доблестными рыцарями – и лучшими воинами английской армии. Это вполне могло быть насмешкой над Эдуардом, который и сам когда-то был паладином, пока Филипп не конфисковал его французские земли.

Эдуард рвался в бой, и не только потому, что обладал воинственной натурой: к этому подталкивали и наемники, которые жаловались, что им не хватает еды, и угрожали отправиться восвояси. Так что он согласился встретиться с Филиппом на его условиях – будь то жестокая схватка двух армий или рыцарский поединок. Но все кончилось тем, что Филипп попросту не явился.

Трусость, вы скажете? Возможно, но зато эффект был достигнут. Словно английский пенсионер, застигнутый врасплох растущим курсом евро, Эдуард просто не мог себе позволить задерживаться во Франции, и ему пришлось вернуться домой. Денег катастрофически не хватало, и ему даже ради новых кредитов пришлось оставить свою жену Филиппу в Генте в качестве залога. Его вторжение, задуманное как быстрая атака, которая приведет к падению Парижа и захвату французского трона, длилось месяц, но за это время он не продвинулся дальше окраин Кале.

Однако, с учетом предстоящей войны, эту акцию нельзя назвать совсем уж провальной, поскольку Эдуард и его войско неожиданно придумали совершенно новую концепцию вторжения, удачно дав ей французское название, чтобы скрыть факт английской интервенции.

Французское слово *chevauchée* («шевоше») прежде означало безобидную прогулку верхом – скажем, по сельским просторам, – но Эдуард III наполнил его куда более зловещим смыслом. Его люди, марширующие по Франции, получали от него приказ крушить все на своем пути. Он даже хвастался этим в письме своему сыну, Черному принцу, как бы между прочим замечая: «Мы продвинулись вглубь страны на двенадцать – четырнадцать лье, сжигая и разрушая все вокруг» – и добавляя, что окрестности города Камбре «опустошены, нет ни корма, ни скота, ничего». При этом он не стал уточнять, что «опустошение» подразумевало выжигание города дотла и принуждение его жителей спасаться бегством, а то и полное их истребление.

Схожими методами действовал в Англии Вильгельм Завоеватель – главным образом с целью наказания бунтующих граждан. Но Эдуард планировал вести так всю войну, пытаясь истощить Францию кровавой резней, чтобы принудить к капитуляции. Подобные же аргументы приводились в 1945 году, в оправдание бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Если бы в четырнадцатом веке существовали ядерные боеголовки, то удержать Эдуарда от их использования могли только перспектива лишиться выгодных заложников и страх перед тем, что французский трон окажется слишком радиоактивным, чтобы сидеть на нем.

Тактика французов как объект для шуток

Эдуард III был, несомненно, жестоким человеком, но уж чего у него не отнять, так это упорства. Не успел он вернуться в Англию, как убедил парламент проголосовать за введение налогов на шерсть, кукурузу и баранину, а также – в доказательство того, что он вовсе не противник сельского хозяйства, – принять закон об отчислении в казну девятой доли имущества каждого горожанина. Вырученные деньги он потратил на освобождение своей жены из кабалы и подготовку новой антифранцузской кампании. И на этот раз его ожидал ошеломляющий успех.

Зная о том, что Филипп готовил к вторжению флот, Эдуард решил нанести удар по французам в море. В июне 1340 года он вывел в Ла-Манш около 200 кораблей, большинство из которых представляли собой переоборудованные торговые суда.

Со стороны это выглядело полным безумием. Корабли Эдуарда были, по сути, грузовыми, в то время как французы арендовали оснащенные таранами и катапультами высокоманевренные генуэзские военные галеры, командовал которыми старый морской волк, генуэзец Барбанера, или Черная Борода. И эти красавицы галеры, как и корабли с тяжеловооруженными воинами[36], *gent d'armes*, теперь стояли на якоре в большой гавани Слёйса (нынешняя Голландия), создавая мощный оборонительный рубеж.

План Эдуарда был прост: двигаться прямо на французские корабли и брать их на абордаж. Воины в средневековых доспехах, карабкающиеся на планширь? Скептически настроенный военачальник решил бы, что это не слишком практично. Однако Эдуард не знал, что на него работает мощный фактор – одна слабость, присущая французам, которая жива и по сей день.

Может, в распоряжении Филиппа VI и был великий флотоводец, но Барбанеру превосходили по рангу двое французов, Хью Кирэ и Николя Бегюше, причем ни один из них не был моряком. Бегюше в прошлом занимался сбором налогов. И когда Барбанера посоветовал им покинуть гавань и выйти в открытое море, где его юркие галеры могли бы играючи потопить неповоротливый английский флот, эти двое отказались.

Что ж, очень по-французски. Сегодня крупная производственная компания, если у нее начинаются трудности, обращается за консультацией к выпускнику одной из престижных французских школ, к кому-нибудь из тех, кто лет десять изучал теорию бизнеса и математику, но ни разу не посещал завод. Для французов важнее всего не опыт, а лидерство – или, если точнее, французский стиль лидерства, который подразумевает игнорирование советов людей знающих, но не имеющих в своем резюме ссылки на диплом французской высшей школы.

Так что Кирэ и Бегюше благополучно оставили флот стоять на якоре, а Эдуард тем временем медленно, но уверенно вошел в гавань и, к своему удивлению, обнаружил брешь в обороне противника: крайние корабли оказались незащищенными от атаки с флангов. Более того, остальные корабли стояли борт к борту и просто не могли прийти к ним на помощь.

Пока французские адмиралы судорожно просматривали учебники в поисках подсказок, что делать дальше, английские ребята уже высаживались на палубы их кораблей и, перебегая с одного на другой, осыпали французов шквалом стрел (британские стрелки из длинных луков впервые демонстрировали свое мастерство за пределами родной стороны), захватывали в плен тех, кто побогаче, остальных швыряли за борт, и тяжелые доспехи тянули несчастных ко дну. Правда, легко одетым французам, которым все-таки удавалось доплыть до берега, тоже не везло: они тут же попадали под топоры местных фламандских мстителей.

[36] Средневековый французский термин *gent d'armes* дал рождение современному «жандарму».

Барбанера, генуэзский ветеран, быстро сообразил, что грядет катастрофа титанического масштаба (хотя до гибели «Титаника» оставалось целых 572 года), и спешно увел свои галеры, чтобы его люди еще успели повоевать за тех хозяев, которые прислушиваются к его советам.

Ошеломленные происходящим французские военачальники Кирэ и Бегюше попытались применить на практике свои теоретические знания о средневековой войне, надеясь, что их возьмут в плен и станут требовать выкуп, но то был не их день. Кирэ успешно отрубили голову, а Бегюше повесили на рее флагманского корабля Эдуарда III, так чтобы вид покачивающегося на ветру трупа деморализовал уцелевшую часть французского войска. Эдуарду, конечно, не помешали бы выкупы заложников, но он вел тотальную войну, так что в битве участвовал даже корабль, на борту которого находилась его жена со своими придворными, и печальным итогом стала гибель одной фрейлины. Это был последний раз, когда королева приняла приглашение Эдуарда «прокатиться на его яхте».

Результатом стычки на море стало практически полное уничтожение французских военно-морских сил вторжения, и Франция потеряла десятки тысяч солдат. Придворные Филиппа IV так нервничали, не зная, как подать ему плохие новости, что решили доверить эту миссию придворному шуту.

– Наши рыцари куда храбрее англичан, – сказал шут.

– С чего ты взял? – спросил Филипп.

– Англичане не осмеливаются прыгать в воду в полном снаряжении…

Как многие французские шутки, эта тоже требовала пояснений и не вызвала заразительного смеха.

Креси – битва из-за какого-то бекона

Был еще один французский предатель, который подтолкнул Эдуарда к продолжению войны, и это позорное пятнышко коллаборационизма обернулось оглушительным поражением Филиппа VI.

Жоффруа д'Аркур – нормандский рыцарь, который присягнул на верность Филиппу VI. Однако когда Жоффруа решил жениться на богатой нормандской наследнице с очень сельским именем Жанна Бекон, он обнаружил, что у него есть серьезный соперник – влиятельный друг короля Филиппа, Гийом Бертран. Король, ясное дело, объявил, что Жанна должна выйти замуж за Гийома (саму Жанну, разумеется, не спросили), а потому Жоффруа затеял маленькую частную войну против семейства Бертранов. Все могло бы ограничиться поджогом нескольких ферм и убийством десятка коров и стольких же крестьян, но Бертраны пожаловались королю, и тот в качестве наказания конфисковал земли Жоффруа и обезглавил четверку его лучших друзей.

Жоффруа, естественно, затаил злобу и отправился в Англию, где предложил свои услуги Эдуарду III. Более того, он снабдил короля Англии бесценной информацией секретного свойства. Согласно хронисту Фруассару, Жоффруа сказал Эдуарду: «…Нормандия – одна из самых богатых стран в мире… и если вы там высадитесь, никто не окажет вам сопротивления… Там вы найдете крупные города, не защищенные крепостными стенами, и ваши люди награбят столько, что им хватит лет на двадцать вперед». Эдуард даже не стал спрашивать, как выглядят местные женщины: он спешно собрал корабли и вояк, столько, сколько смог, и 5 июля 1346 года все они отплыли в Нормандию, уже через неделю высадившись в Ля Аге, возле Шербура, где не так давно Франция (не иначе как в память о событии далекого прошлого) построила завод по переработке ядерных отходов.

Армия Эдуарда отправилась в кровавое шевоше по стране, и сам Жоффруа д'Аркур во главе отряда из пятисот человек занимался грабежами в личных целях. В Кане местные

жители, защищаясь, взбирались на крыши своих домов и сбрасывали оттуда все что можно на головы захватчиков. Это настолько взбесило Эдуарда, что он приказал своим людям сжечь весь город и перебить его обитателей. После трех дней мародерства и трех тысяч смертей армия награбила столько, что пришлось сплавлять трофеи вниз по реке на баржах. Вскоре корабли, груженные драгоценностями, золотой и серебряной посудой, мехами, богатыми одеждами и конечно же заложниками, двинулись обратно в Англию.

Французы утверждают, что после этого Эдуард планировал пойти на Париж и сместить с трона Филиппа VI. Если это так, тогда его миссия провалилась. Но более вероятно то, что английский король просто хотел вынудить трусоватых французов вступить в бой. Так что, пройдясь огнем по парижским пригородам Сен-Клу и Сен-Жермен-ан-Лэ (по иронии судьбы, оба они сегодня плотно заселены общиной британских экспатов), Эдуард вновь устремился на северо-восток. И, переправившись через Сомму, британцы остановились у маленького города под названием Креси.

Сегодня поле битвы при Креси, возможно, выглядит почти так же, как в 1346 году, если не считать одной современной постройки с угла, небольшой вырубки в лесу и бетонного туалетного блока у парковки. Ветряная мельница, которая стояла на вершине холма, была заменена деревянной наблюдательной вышкой, откуда можно увидеть… ну, ту же непролазную грязь. Хотя не стоит так пренебрежительно о ней говорить – это самая знаменитая в английской истории грязь.

У подножия наблюдательной вышки можно увидеть побитую временем табличку, на которой представлено краткое, типично французское, описание битвы. Практически это список оправданий собственного поражения: «…войска [37] были ослеплены солнцем, которое снова вышло из-за туч»[38], а французская кавалерия, которой пришлось долго добираться до поля битвы, сравнивается с «лучниками [39], отдохнувшими и хорошо подготовленными». О массовом истреблении цвета французского рыцарства упоминается вскользь: «Французская кавалерия столкнулась с трудностями и была разбита». Да уж, шквал стрел, какого континентальная Европа никогда прежде не видела, был всего лишь «трудностью».

В самом Креси, в бывшей сельской школе, есть очаровательный маленький музей, экспозиция которого занимает два переоборудованных класса прямо напротив пяти туалетных кабинок – четыре из них с низкими дверцами для детей и одна с полноценной дверью для учителей.

Из экспонатов музея наибольшее впечатление производит ящик с точными копиями стрел. Одно можно сказать наверняка: несладко пришлось французским рыцарям, оказавшимся мишенями для таких монстров. Стрела длиною в ярд и толщиною в большой палец руки, имеет острый металлический наконечник длиною с указательный палец. У некоторых стрел четырехгранные наконечники – «дыроколы», которые пробивали доспехи; есть и стрелы с зубьями, которые вонзались в тело лошади, и она, обезумев от боли, уносилась с наездником неизвестно куда.

В битве при Креси участвовало около 7000 английских лучников, которые могли выпускать из своих длинных луков десять стрел в минуту с предельной точностью. В первые шестьдесят секунд битвы передовой фланг войска Филиппа VI принял на себя около 70 000 стрел. Нет ничего удивительного в том, что сражение началось для французского короля не лучшим образом.

---

[37] французские, разумеется

[38] Мне нравится это «снова»: звучит так, будто Господь включил солнце назло французам.

[39] английскими

В августе на французских дорогах творится сущий ад

Прежде чем вдаваться в чудовищные подробности самой битвы, пожалуй, следует вооружиться некоторой справочной информацией.

Эдуард III, чьи войска только что закончили высокорентабельное шевоше по северу Франции, сам выбирал место будущей битвы, и, понятное дело, присмотрел наиболее удачный для себя вариант. Его люди разместились на длинном склоне холма, защищенном с одной стороны рекой, а с другой – густой лесополосой.

Армия Эдуарда насчитывала от 11 000 до 16 000 воинов, среди которых были все те же лучники (как английские, так и уэльские), около 2000 вооруженных пехотинцев, тысячи полторы молодцев с ножами и кинжалами (из тех самых уголовников) и несколько сотен конных рыцарей. Его силы уступали по числу армии Филиппа, но были хорошо обученными, правильно расположенными и – пожалуй, это самое главное – кровожадными.

Французская армия представляла собой серьезного противника, включая 15 000 генуэзских арбалетчиков, 20 000 тяжеловооруженных воинов, несколько тысяч конных рыцарей и несчетные толпы крестьян, вооруженных камнями, косами и всем, что позволило бы им отомстить за разорение своих угодий. Филипп привел с собой и музыкантов – в основном трубачей и барабанщиков, – призванных нагнать страху на врага. Даже в те времена французская музыка действовала пугающе на англичан.

Да, у Эдуарда действительно было время на подготовку. Он выстроил свои войска в атакующем боевом порядке, в форме буквы V: в центре расположились тяжеловооруженные воины, а два крыла образовали лучники. Перед боем лучники спустились по склону и выкопали в поле маленькие ямки, чтобы лошади, попадая в них ногами, падали на всем скаку. Они также разбросали по земле большие четырехгранные металлические «ежи», способные проколоть копыта лошадей и подошвы солдатских сапог. Английскими подразделениями командовали опытные ветераны, а нормандскому перебежчику Жоффруа д'Аркуру король Эдуард поручил охранять своего сына, шестнадцатилетнего Черного принца, собиравшегося увидеть первое в своей жизни сражение.

Закончив приготовления, Эдуард III распорядился выдать своим войскам вина и мяса (поставки свежих продуктов были «организованы» из близлежащих деревень), после чего дал им возможность отдохнуть. Субботнее утро 26 августа 1346 года было для бриттов на редкость безмятежным.

Французы, что вполне типично для них, опоздали к началу сражения: когда Филипп VI добрался до Креси, большая часть его армии еще не подтянулась. Один из советников подсказал королю, что не стоит драться в этот день, поскольку войска будут уставшими, к тому же шел дождь, вода заливалась под доспехи рыцарей, что доставляло неудобство. Филипп, который, как мы уже видели, всегда был не прочь уклониться от боя, если имелась такая возможность, отдал приказ встать лагерем.

Вот только он не учел – поскольку в те времена летние каникулы еще не изобрели, – что в последний уик-энд августа на французских дорогах творится сущий ад. Толпы рыцарей, пехотинцев, крестьян тянулись по проселочным дорогам в сторону Креси, и возникла такая «пробка», что передовая часть армии Филиппа, генуэзские арбалетчики, была вынуждена вырваться вперед, чтобы не застрять в заторе.

Эти бедные итальянцы (которых, по всей видимости, не предупредил их соотечественник, моряк Барбанера, о безобразной французской организации) стали первыми жертвами английских лучников и с тех пор несли на себе бремя французского негодования.

Они шагали под дождем, поднимаясь на холм, навстречу английским лучникам, вынужденные то и дело останавливаться, чтобы перезарядить свои громоздкие арбалеты.

Более того, на время долгого пути к месту сражения генуэзцы погрузили свои щиты в багажные повозки, что следовали сзади, и теперь не имели возможности вернуться за ними. Английские и уэльские лучники увидели первую волну атакующих и попросту смели ее своими стрелами.

Генуэзцы были наемниками, и, так же, как у Барбанеры в битве при Слёйсе, у них, похоже, возникло коллективное желание «послать к черту эту работу». Они развернулись и побежали – или, во всяком случае, попытались. Потому что бежать было некуда, поскольку следом за ними наступали ряды французской кавалерии.

Некоторые французские источники прощают генуэзцев – один из хронистов заметил даже, что они оказались бесполезными, так как тетива их арбалетов размокла под дождем, – но большинство все-таки клеймит их позором. Хроники передают ярость брата Филиппа, Карла де Валуа, который, видя это постыдное бегство, приказал своей кавалерии «давить этот сброд». Кое-кто даже обвиняет генуэзцев в том, что они пошли против французов, вынув ножи и пытаясь резать конские сухожилия и рыцарские глотки. Впрочем, одно можно сказать наверняка: лучники Эдуарда теперь попросту расстреливали в свое удовольствие беспомощную толпу паникующих арбалетчиков, спотыкающихся лошадей и высокомерно фыркающих французских рыцарей. Брат короля Карл лично пошел в атаку на генуэзцев, увяз в гуще солдат и был убит в считаные минуты.

Полыхая гордостью, подгоняемые напирающей сзади толпой, да еще под аккомпанемент «брутальной» музыки, французские рыцари упрямо шли вперед. В полном беспорядке они – кто на коне, кто пешком – продвигались под градом стрел, который, по свидетельству хрониста Фруассара, был таким плотным, что затмевал вечернее солнце.

Эдуард и его армия, видимо, находились в недоумении, не понимая, что происходит. Жители Кана хотя бы забрасывали их камнями и черепицей. А эти рыцари, «цвет Франции», просто выстроились в очередь на бойню.

Черный принц и белые перья

Одна из самых известных историй, рожденных во время той битвы, рассказывает о слепом рыцаре, который настоял на том, чтобы умереть в бою. Король Богемии Иоанн, союзник Филиппа, лишился зрения из-за глазной инфекции, которую подхватил, сражаясь в Литве, но никак не хотел пропустить такое волнующее событие, как битва при Креси. Он приказал своим людям привязать поводья его коня к поводьям коней оруженосцев и тащить его в направлении английских рядов. Остается только гадать, что он намеревался сделать, поднявшись на холм – возможно, попросить лучников подать голос и предоставить ему шанс выстрелить в них. Как бы то ни было, отряду Иоанна каким-то образом удалось добраться до вершины холма, где их всех и порешили английские воины.

Французы раз десять атаковали холм, но даже их соотечественник, хронист Фруассар, отмечает полное отсутствие у них дисциплины. Только с наступлением темноты Филипп наконец признал поражение и, заметив рану – по одним источникам, его ранили в шею, по другим – в бедро (собственно, слова *cou* (шея) и *cuisse* (бедро) отчасти созвучны), – поскакал в ближайший замок, где крикнул сторожу, чтобы тот открыл ворота «несчастному королю Франции». Хотите – верьте, хотите – нет, но это была шутка, поскольку до той поры он был известен как Филипп Счастливый. Судя по всему, Филиппу, как и его придворному шуту шестью годами ранее, не удалось никого рассмешить.

И лишь на следующее утро англичане смогли оценить масштаб своей победы. Изможденные после боя, они так и уснули, сохраняя боевые порядки, а когда проснулись, увидели, что долина затянута густым туманом. Ночь вряд ли была тихой – раненые воины и лошади

наверняка громко стонали, – но даже Эдуард испытал потрясение, когда его скауты принесли известие о том, что поле завалено грудами мертвых французов (поверх генуэзцев).

Эдуард тотчас отправил дополнительные силы для идентификации убитых. Это был молчаливый приказ добить тех, кто недостаточно богат, чтобы требовать за него выкуп, или слишком тяжело ранен, чтобы брать его в плен. Для этого использовали «мизерикорды», кинжалы милосердия, узкие и длинные лезвия которых можно было просунуть между пластинами доспехов в незащищенные подмышечные впадины или в щели для глаз, чтобы проткнуть сердце рыцаря или мозг.

Черный принц отправился оценить кровавый результат своей первой битвы, и ему показали слепого короля Иоанна в связке с телами его оруженосцев. Принц был так тронут, что украл (или, возможно, правильнее сказать, позаимствовал) плюмаж Иоанна из трех белых перьев и его девиз: *Ich dien* – «Я служу…»[40]

Закончив пересчет убитых, англичане подвели итог: 1542 французских аристократа и около 10 000 представителей других сословий.

Вот эти десять тысяч не слишком-то печалили Францию, но в списке убитых аристократов оказалось много знатных рыцарей – всякие там Генрихи, Людовики, Карлы, – которые составляли цвет цвета нации. И больше всего французов шокировало то, что почти все они пали от стрел лучников или бойцов с ножами – тех, кого один из хронистов без всякого смущения называет *gent de nulle valeur* – ничтожествами. Это как если бы французская сборная по футболу проиграла пятерке пьяных английских хулиганов. Как и следовало ожидать, во всем дружно винили тренера команды, Филиппа VI. Но его кошмарный игровой сезон только начинался.

Передышка на бургеры

«Бургеры из Кале»[41], каков бы ни был смысл этого названия, не значатся в ресторанном меню парома через Ла-Манш. После битвы при Креси они – герои Франции. Однако, как и в случае со многими другими героями, включая появившуюся вскоре Жанну д'Арк, существует французская версия событий и версия правдивая.

По французской версии, в 1347 году шесть жителей Кале спасли свой город от англичан. Правда же заключается в том, что они его сдали.

Французы стараются уверить нас в том, что бюргеры предложили себя Эдуарду III в качестве жертв в обмен на обещание, что город оставят в покое. При этом никто не обмолвился о том, что те самые бюргеры, представители богатого сословия города Кале, уже успели пожертвовать сотнями городских бедняков ради собственного спасения.

Рискуя вызвать недовольство французских читателей, позволю себе обратиться к фактам.

После Креси Эдуард III решил не закреплять свой успех маршем на Париж. Ему не хватало людей даже для полноценной оккупации Северо-Восточной Франции. Поэтому он направился к побережью и, через неделю после битвы, достиг ближайшего порта, Кале. Он взял город в осаду и даже построил большой крытый лагерь, который постепенно превратился в настоящий город, с рынком, где местные могли продавать продукты, еще не разграбленные англичанами. К весне 1347 года в лагере у стен Кале находилось около 30 000 человек, и даже были отстроены фортификационные сооружения по внешнему периметру на случай, если Филиппу VI удастся собрать войско и повести его на спасение города.

---

[40] Этот девиз принца Уэльского живет и поныне, хотя все последующие принцы не позаимствовали у короля Богемии привычки сражаться на привязи и вслепую. Не считая приватных вечеринок, само собой.

[41] Игра слов: *burger* – бургер, булочка (*англ.*); *burgher* – бюргер, зажиточный горожанин (*англ.*). – *Примеч. пер.*

Английский флот стоял на якоре в прибрежной зоне, преграждая путь поставкам продуктов с моря, и к июню жители Кале уже вовсю голодали. В отчаянии главы общины, в числе коих были известные бюргеры, приняли решение изгнать пятьсот горожан, которых сочли балластом. В основном это были старики и дети, и, разумеется, самые бедные горожане. В осажденном городе вся имеющаяся еда распределяется правящей верхушкой, и прежде всего достается тем, кто может за нее заплатить, так что неимущим приходится труднее всего.

Прежде король Эдуард был снисходителен и даже разрешал мирным жителям покидать город, чтобы избежать голодной смерти, но теперь, после девяти месяцев осады, его позиция ужесточилась, и он отказался выпустить пять сотен бедняков, требуя полной капитуляции города. Горожане не впустили этих несчастных обратно, и они остались умирать голодной смертью под городскими стенами, с высоты которых на них наверняка взирали шесть бюргеров, жующих отварную собачатину.

В июле король Франции Филипп VI наконец решил, что неплохо было бы освободить свой стратегический порт, поэтому привел армию, остановился в миле от английских укреплений и бросил вызов Эдуарду. Однако Эдуард сознавал, что находится в куда более выигрышном положении и что город долго не продержится. Поэтому просто позволил Филиппу атаковать.

Верный себе, Филипп приказал своим людям отступить и, говорят, даже заткнул уши, чтобы не слышать криков горожан, которых он бросил на произвол судьбы. Воины городского гарнизона сняли с флагштока французский флаг – с личным гербом Филиппа – и в знак презрения сбросили его с крепостной стены.

На следующий же день командующий гарнизоном Кале, рыцарь Жан де Вьен, подал сигнал, что готов сдаться. Эдуард согласился, но предупредил, что пленные будут освобождены за выкуп или убиты – как это принято на войне. Короче говоря, богатые останутся в живых, а бедных ждет смерть. В конце концов английский рыцарь, сэр Уолтер Мауни, убедил Эдуарда принять в жертву жизнь всего шести бюргеров.

Один из старейших и богатейших горожан, Эсташ де Сен-Пьер, первым предложил себя, и его примеру последовали еще пятеро добровольцев. Подчиняясь приказу короля Эдуарда, они сняли с себя дорогие одежды и вышли из города лишь в рубашке и коротких штанах (читай, в исподнем) и с петлей на шее. Именно так представил их в своей известной групповой скульптуре Огюст Роден, скульптор XIX века, – истощенными, затравленными жертвами, не побоявшимися выйти навстречу собственной смерти. Верно то, что, наслышанные о шевоше Эдуарда, бюргеры не рассчитывали умирать, они надеялись, что их ценность как богатых заложников гарантирует им жизнь.

В большинстве версий этой истории рассказывается, что Филиппа, беременная жена Эдуарда, умоляла мужа не убивать бюргеров, дабы не навлечь несчастья на их еще не родившегося ребенка. Говорят также, что сэр Уолтер Мауни предупреждал короля о том, что хладнокровная казнь богатых пленников, которых в иных обстоятельствах оставили бы в живых, создаст плохой прецедент и в будущем обернется для англичан множеством смертей.

Как бы то ни было, Эдуард не привел в действие свою угрозу. Он изгнал из города всех богатых граждан и отдал их дома и должности англичанам, которых вызвал с английского берега Ла-Манша. Все это лишний раз доказывает, что, как бы ни старались французы представить бюргеров Кале героями патриотами, правда заключается в том, что они были причастны к катастрофическому поражению и стали символами самопожертвования после того, как попытались спасти самих себя, бросив бедняков умирать в осажденном городе.

Роден, похоже, кое-что угадал. Когда в 1884 году городской совет Кале заказал ему скульптурную композицию, он нарушил традицию и, вместо того чтобы изобразить бюргеров в героической позе, показал их поверженными. Он настаивал и на том, чтобы его скульп-

тура стояла на земле, а не на подиуме. Нет нужды говорить о том, что Кале проигнорировал его требование, и скульптуру водрузили перед ратушей на богато украшенный каменный пьедестал.

Англичане, впрочем, торжествовали. В 1911 году британское правительство купило один из двенадцати слепков роденовской скульптуры и установило его прямо у здания парламента, в саду перед башней Виктории. И по сей день любой британский парламентарий, выходя в парк подышать свежим воздухом, имеет шанс столкнуться лицом к лицу с символом французского малодушия и покорности.

«Черная смерть» – не так уж плохо для Англии (в конечном итоге)

И, словно Филиппу было мало напастей, в 1348 году во Францию пожаловала чума, «Черная смерть».

Эта азиатская болезнь пришла в страну из Италии и распространилась к северу. В ней видели еще один знак того, что Бог отвернулся от Франции. Смертность в Авиньоне была столь высока, что Папа (который обосновался здесь, а не в Риме) освятил реку Рону, чтобы в нее могли сбрасывать трупы, и разрешил умирающим исповедоваться мирянам и «даже женщине». Вот уж поистине чрезвычайные меры.

В попытке остановить распространение чумы король Филипп ввел суровые наказания за богохульство. За первое прегрешение отрезали губу, повторный проступок карался отсечением второй губы, а потом и языка. Между тем жители Страсбурга обвинили во всем иудеев и вырезали целую общину – две тысячи человек. Разумеется, это не помогло справиться с болезнью, и в течение года чума свирепствовала по всей Франции.

Вполне естественно, что англичане довольно ухмылялись тому, что Бог покарал их врагов – но радость длилась до тех пор, разумеется, пока эпидемия не перекинулась на другой берег Ла-Манша.

Численность населения в четырнадцатом веке определялась весьма условно, но полагают, что за три года умер каждый третий житель Западной Европы. Больше всего пострадали плотно заселенные крупные города, в одном только Лондоне с его 70 000 жителями умерла половина населения. Примерно в таком же по размерам Париже уровень смертности составил 50 000 жителей или около того.

Хроники того времени по обе стороны Ла-Манша повествуют о заброшенных деревнях, притихших городах и (что повергло бы в ужас современных бриттов) резком падении цен на недвижимость – не было никакого смысла покупать что-либо, потому что выжившие просто могли заселяться в покинутые дома. Некогда особо ценные объекты, такие как ветряные мельницы, теперь никем не использовались, поскольку нечего было молоть, да и городские обитатели не стремились превращать их в летние домики для уик-эндов.

В общем, это была катастрофа для всего человечества, и страданий хватило всем. Разве что, по странному капризу судьбы, «Черная смерть» пошла на пользу Англии в ее противостоянии с французами. Или, точнее сказать, на пользу английскому языку, поскольку эпидемия вынесла (черный) смертный приговор нормандскому языку в Англии.

И тому было несколько причин. Прежде всего, с резким снижением численности населения феодальная система Англии рухнула. Целые деревни остались без лордов, лорды лишились сервов, и это означало, что уцелевшие после эпидемии работники были нарасхват, так что вполне могли найти себе работу где угодно, причем как вольные труженики. Парламент попытался было ввести ограничение предела заработной платы и запретить освобождение сервов, но это привело лишь к открытому бунту. Воздвигнутый англонормандской знатью стеклянный потолок богатства, власти и привилегий еще не был разбит вдребезги, но уже пошел глубокими трещинами, по мере того как угнетенные низшие слои англосаксов

расправляли плечи, все активнее проявляя себя как настоящий средний класс. Перемещаясь по стране, они распространяли свой язык – искаженную смесь англосаксонского и нормандского, – который сегодня мы называем английским.

Этот лингвистический тренд усилился также тем, что англонормандские монахи, которые прежде жили как хозяева поместий в своих монастырях, во время чумы массово вымерли – ведь это к ним шли больные в надежде на исцеление или, по крайней мере, на соборование перед смертью. Теперь этих монахов, говорящих на нормандском языке и латыни, заменили англоговорящие собратья, которые были куда скромнее своих предшественников и к тому же не брезговали просветительской миссией, обучая простой люд читать и писать… по-английски.

Вот почему период после нашествия «Черной смерти» ознаменован полным и окончательным триумфом английского языка в Англии. В 1362 году при открытии парламентской сессии впервые прозвучала речь на английском. В том же году вышел закон, обязывающий проводить судебные слушания на английском, поскольку большинство населения уже не понимало нормандско-французский диалект. Это уж парламентарии загнули, конечно, но такие проанглийские преувеличения явно были в моде. Как сообщают хроники, два английских дипломата того времени отказались говорить по-французски на том основании, что этот язык для них «такой же малопонятный, как иврит»…

Английский, со своими англосаксонскими корнями и гибридной англосаксонско-нормандской грамматикой, прораставший, словно плесень, под подошвами англонормандской знати, наконец-то обрел статус и уважение, перестав быть грубым диалектом, на котором переругивались крестьяне. В 1385 году ученый Джон Тревиза писал: «in alle the gramere scoles of Engelond, children leveth Frensche and lerneth in Englische»[42]. (Обратите внимание, насколько его орфография сходна с правописанием современных английских школьников.) Он пошел еще дальше, заявив, что английские дети знают французский так же, как «их левая пятка». (То же самое можно сказать о современных детях.)

Как нам уже известно, король Эдуард III знал английский язык, и всех приятно удивляло то, как свободно он им владел. Особенно ему удавалось сквернословие, ведь он с самого начала обнаружил, что английский язык гораздо лучше, чем французский, подходит для ругательств. Прибавляя англосаксонский «офф», англичанин может с легкостью превратить любое агрессивное или резкое слово в оскорбление, так же как и поиграть (грубоватыми) англосаксонскими и (искаженными) нормандско-французскими словечками. Французский язык слишком привязан к латыни и излишне щепетилен в грамматике, чтобы позволить себе такие вольности.

Эдуард, может, и был силен в английском, но он все-таки учил его как второй язык, а первым освоил французский – тот самый язык, на котором говорил его заклятый враг король Филипп. К тому же изъясняться на французском языке в суде все еще считалось шиком, как это продемонстрировал Эдуард в знаменитом эпизоде, связанном с «оброненной подвязкой» 1348 года.

На балу в Виндзоре, танцуя с королем Эдуардом, графиня Солсбери уронила подвязку. Король поднял ее и повязал на собственную ногу, а когда заметил удивленные взгляды придворных, не задумываясь, произнес по-французски: *Honi soit qui mal y pense*, что в грубом переводе звучит примерно так: «Позор тому, кто думает, будто я сделал это с намеком на секс»[43]. Эту фразу приняли в качестве девиза его нового Ордена Подвязки, и теперь она красуется на британском монаршем гербе поверх девиза *Dieu et mon droit*[44].

---

[42] Современное правописание: «in all the grammar schools of England, children leave French and learn in English». – «Во всех средних школах Англии дети бросают французский и учатся на английском». – *Примеч. пер.*

[43] Наиболее точный перевод: «Пусть стыдится подумавший об этом плохо».

Однако до времени произнесения Генрихом V пламенной речи перед битвой при Азенкуре, случившейся всего лишь шестьюдесятью семью годами позже, английский оставался первым языком короля, и никаких переводов его высказываниям не требовалось.

Короче говоря, крохотные блохи, занесшие в Европу «Черную смерть», одновременно освободили Англию из тисков иностранного языка как государственного. Весьма символично, поскольку *flea* («блоха») – англосаксонское слово.

Генрих V – это не только прикольная стрижка

Война шла ни шатко ни валко, когда в 1377 году в почтенном возрасте скончался Эдуард III, и стороны продолжали ее лишь потому, что многие англичане стремились попасть на континентальный берег Ла-Манша и сколотить себе состояние.

Да и Франция созрела для того, чтобы ее вновь пощипали. Французский король, Карл VI, был законченным лунатиком. По ночам он бегал вокруг замка, завывая волком, и был убежден в том, что сделан из стекла, а люди хотят его разбить. Однажды в приступе безумия он убил четверых своих придворных.

Слабость верхушки расколола Францию на два воюющих за власть семейства – бургундцев, возглавляемых кузеном Карла V, Жаном Бургундским, и арманьяков под предводительством Людовика, брата Карла. Вскоре обе эти команды творили такие злодеяния, что даже превзошли все шевоше англичан. Арманьяки породили новый террор, который впору было называть «экорше» (в буквальном смысле «освежеванный»), и насаждали его на родных просторах недобрых тридцать лет.

Кто реально выиграл от этой долголетней внутренней борьбы, так это Англия, которая услужливо продавала свою поддержку то одной фракции, то другой, сначала обещая вмешаться в конфликт, но потом перепродавая свою верность другой стороне, если та предлагала больше денег и территорий. И самую крупную выгоду от этого противостояния получал новый английский король, Генрих V, в 1414 году заключивший договор с Арманьяками, даровавший ему провинции Пуату, Ангулем и Перигор на юго-западе Франции, тем самым хотя бы частично восстанавливая былые позиции Англии в этой части мира.

Генриха V, которому шел всего двадцать шестой год, когда он взошел на престол, окружали весьма конкурентоспособные родственники мужского пола, и ему просто необходимо было доказать, что он сильный монарх. Прирожденный воин, он даже носил военную стрижку «под горшок», в отличие от своих недавних предшественников, предпочитавших пышные королевские локоны. Говорят, он был высок и настолько силен, что в тяжелых доспехах передвигался так, будто надел всего лишь легкий плащ – и это неудивительно, если учесть то, что его с раннего возраста облачали в походную форму. В отрочестве, гоняясь за уэльсцами, он был ранен стрелой в лицо (уэльские лучники к тому времени не утратили своего мастерства) и на всю жизнь остался со шрамом – вот почему на всех его самых известных портретах он запечатлен в профиль.

К несчастью для французов, Генрих был фанатично религиозен и убежден в том, что Бог желает видеть его королем Франции. Ко всему прочему, он первый со времен Вильгельма Завоевателя английский монарх, который не только не имел гомосексуальных наклонностей, но и не содержал гарема любовниц – и это было еще одним дурным предзнаменованием для его врагов по ту сторону пролива.

Между тем французы продолжали напрашиваться на трепку. В 1414 году представители двух воюющих сторон, бургундцев и арманьяков, прибыли в Англию просить у Генриха помощи. Генрих ответил требованием руки французской принцессы и, соответственно,

---

[44] «Бог и мое право» (*фр.*). – *Примеч. пер.*

французской короны. Встретив отказ, он заявил, что у него не остается иного выбора, кроме как готовиться к войне, забыв упомянуть о том, что вот уже год как пополняет армию рекрутами и заряжает пушки.

Он тщательно спланировал детали своего вторжения и, как союзные войска в 1944 году, решил пойти вглубь Франции через Нормандию, а не привычным маршрутом через Кале. В солнечное воскресенье августа 1415 года его флот из 1500 кораблей, на которых разместилось десятитысячное войско, лошади, скот и пушки, вышел из пролива Солент. Можно себе представить, какой это был красочный спектакль: рыцарские знамена развевались на ветру, а флагманский корабль Генриха, 540-тонный «Тринитэ Рояль» (непонятно только, почему он не дал ему английское название), дразнил провокационным королевским штандартом, похожим на тот, что придумал Эдуард III: английские львы соседствуют с французской лилией.

Солдаты с оптимизмом вглядывались в горизонт, тем более что корабль Генриха сопровождали лебеди – и это был добрый знак, поскольку его личный штандарт изображал, в геральдической терминологии, «лебедя с раскинутыми крылами».

Флот держал курс на Арфлёр в устье Сены. Генрих высадился там числа четырнадцатого августа и, по легенде (еще одна параллель с Вильгельмом Завоевателем), оступился и упал на колени. Как и Вильгельм, он не растерялся, принял позу молящегося человека, и хор на борту его корабля поддержал его песнопениями (не иначе чтобы заглушить причитания короля: «О, нет, только не это, мне песок набился в доспехи»).

Флот был настолько велик, что разгрузка кораблей заняла целых два дня[45]. Только когда на берег ступил последний солдат, Генрих сообщил своему войску плохую новость: шевоше не будет. Грабежи, убийства и изнасилования под запретом. Разочарованный стон англичан донесся до самого Парижа.

Генрих тотчас приступил к осаде Арфлёра, но, к своему крайнему неудовольствию, обнаружил, что нормандцы извлекли кое-какие уроки из прошлых рейдов Эдуарда III, которые не встречали никакого сопротивления. Нормандцы возвели укрепления вокруг города, и осада этого маленького порта затянулась, причем английская сторона несла ощутимые потери, и не только от пушечных ядер и стрел, но еще и от болезни. Вода оказалась зараженной, и хронист Джон Кэпгрейв писал, что «много людей полегло после употребления в пищу фруктов». Видимо, французские сезонные фрукты оказались слишком большой экзотикой для привыкших к мясу и репе англичан, и они стали умирать от недуга, который один из современников образно назвал «кровавым поносом», то есть, скорее всего, от дизентерии.

Лишь 22 сентября Арфлёр наконец сдался, и англичане смогли войти и пленить богатых заложников. Генрих пощадил бедняков, с которых нечего было взять, и даже позволил некоторым остаться в городе, хотя все лучшие дома пожаловал англичанам.

Проблема Генриха состояла в том, что за месяц, проведенный в Нормандии, треть его армии полегла от болезни, многих солдат пришлось отправить на лечение домой, несколько сотен оставить для защиты Арфлёра. Он был вынужден отказаться от похода на Париж, как планировал, и вместо этого решил закрепить позиции англичан в Кале, куда рассчитывал добраться без осложнений, поскольку его предшественники проделали отличную работу по разорению тамошних земель и искоренению ростков всякого противодействия.

Однако на пути Генриха поджидали два серьезных препятствия: проливной дождь, который замедлил его продвижение к намеченной цели, и французский король Карл VI, пока еще номинальный хозяин своей страны. Беглецы из осажденного Арфлёра доложили Карлу, что английские силы вторжения заметно поредели, и тот быстро поднял свою армию, которая вышла из Парижа наперерез отступающим англичанам. Тем временем несколько отрядов французов успешно партизанили на маршруте следования войск Генриха, и бритты раз

[45] Версия, будто виной тому была забастовка французских докеров, не соответствует действительности.

за разом с ужасом обнаруживали, что переправы через реки либо разрушены, либо блокированы. Им приходилось воевать за каждый мост и брод, и в конечном итоге они были вынуждены сделать семидесятикилометровый крюк вглубь страны, прежде чем смогли пересечь Сомму.

И вот, когда припасы и боевой дух поредевшей армии англичан истощились до предела, появилась огромная французская армия. Шекспир оценивает ее численность в 60 000 («три раза по два десятка тысяч») солдат, хотя он явно преувеличил, чтобы приукрасить успех Генриха; французов было, скорее всего, тысяч двадцать или тридцать, не больше. Тем не менее войско Карла в четыре раза превосходило по численности изнуренных вояк Генриха.

Французские гонцы прибыли к Генриху с сообщением – совершенно никчемным – о том, что французский король Карл VI намеревается дать ему бой и «отомстить за его поведение». Но, вместо того чтобы привести в свое оправдание недавнее помилование простых смертных Арфлёра (конечно, это не аргумент для высокомерной французской знати), Генрих, в свойственной ему манере, ответил: «Пусть все будет так, как угодно Богу».

В ту ночь его люди разбили лагерь в залитом дождем поле – возможно, даже не догадываясь о том, что такие мокрые поля уже приносили англичанам удачу в соседнем Креси полувеком раньше. Со своих неуютных позиций они оглядывали простиравшийся до самого горизонта бивак французов, горящие костры. Ароматы искусно зажаренных на огне французских колбас не давали покоя бедным англичанам, измученным сырым хлебом, гнилыми фруктами и дизентерийными палочками. В глубине души Генрих и его солдаты настроились умирать.

Азенкур, затерянный во мгле веков – и на карте мира

Впервые оказавшись в Азенкуре, я не мог сдержать горькой ухмылки от попыток французов уничтожить память об их втором[46] знаменитом военном поражении. Это бросалось в глаза еще явственнее, чем в Креси. Там хотя бы действовало некое подобие музея, пусть даже втиснутое в пространство двух маленьких классов старой школы. Здесь, в Азенкуре, не было вообще ничего.

Впрочем, ничего удивительного, потому что на самом деле я попал совсем не по адресу. Дело в том, что я остановился в деревне Аженкур по дороге в Нанси на востоке Франции. А сражение, как все мы знаем из одноименного романа Бернарда Корнуэлла[47], состоялось при Азенкуре (с буквой «з»), почти в пятистах километрах в сторону, неподалеку от Кале.

И это, пожалуй, больше всего раздражает французов. Мало того что мы неправильно произносим названия мест, близ которых произошли сражения (Креси, Ватерлоо), так Азенкуру (*Agincourt*) досталось еще и с точки зрения орфографии.

Но Генрих, вступая в битву, вообще не знал, где находится, и поинтересовался названием местечка только после победы. (И это вполне понятно, ведь в случае поражения он был бы мертв или постарался бы поскорее забыть этот позор.) Кто-то из его людей знал название ближайшего замка – Азенкур, – и, поскольку вокруг не было ни одного дорожного указателя, в хрониках записали его с ошибкой: Аженкур. Строго говоря, сражение не стоило бы называть так, потому что на самом деле армия Генриха дислоцировалась у ближайшей

[46] После Ватерлоо, разумеется. Креси и Трафальгар французы благополучно забыли, а неудачу Наполеона в России считают стратегическим отступлением; нацистскую оккупацию они вообще не рассматривают как поражение – для них это был скорее период ожидания победоносного возвращения Шарля де Голля.

[47] Бернард Корнуэлл (р. 1944) – английский писатель и репортер, автор исторических произведений, в том числе романа «Азенкур». – *Примеч. пер.*

деревушки Мезонсель. Но и это не имеет значения, англичане все равно исковеркали бы и это название, придумав что-нибудь вроде Мезонетт или Манчестера.

Музей в деревне Азенкур не сравнить со скромной переоборудованной школой в Креси. Это внушительное современное здание из стекла и бруса, а его изогнутую крышу поддерживают балки в форме английского длинного лука. Внутри посетителям раздают аудиогиды с сенсорами, которые активируют наушники, как только вы проходите перед интерактивными экранами. Возникает ощущение, будто идешь и слушаешь голоса мертвых. И то, что они рассказывают, удивительным образом напоминает истории из Креси: это все тот же перечень французских оправданий.

«Говорящие головы» (в буквальном смысле, поскольку вещают манекены с телевизорами на плечах) поведают вам, что французские рыцари провели в седле целую ночь, что шел дождь и лошади утопали в грязи, а ряды пехоты были такими плотными, что воины даже не могли вскинуть на плечо оружие. Вам предложат сунуть голову в шлем, чтобы вы могли убедиться в том, какое небольшое пространство могли охватить взором марширующие в строю французские солдаты. Вы даже сможете поднять меч и булаву, прочувствовав их тяжесть. И фоном прозвучит монолог из Шекспира, в котором отважный Генрих призывает своих людей идти в бой за Англию и святого Криспина, а читает его мрачный, похожий на жабу актер, с таким выражением лица, будто он вот-вот умрет от горя[48].

Вопрос в другом: как удалось французам превратить верную победу в национальную катастрофу? «Цвет Франции», который уже успел прорасти со времен Креси, став самым что ни на есть пышным, и французские рыцари были настолько уверены в победе, что их заботило лишь то, хватит ли на каждого англичан для расправы. Никто не сомневался в том, что эта битва станет легкой победой для Франции.

Уже смирившийся с неминуемым поражением, Генрих освободил всех заложников и отправил их обратно во Францию с тем, чтобы они передали его последнюю просьбу обеспечить ему свободный проход в Кале в обмен на возвращение Арфлёра. Он даже предложил возместить весь ущерб, который его люди нанесли Франции. Нет нужды говорить о том, что французы ответили отказом.

В пьесе Шекспира «Генрих V» король под видом рядового воина бродит по своему лагерю, шутит с солдатами, приветствует их, как говорит автор, «со скромною улыбкой». На самом деле в ту ночь король запретил всякий шум в лагере – возможно, во избежание пораженческих разговоров – и даже пригрозил отрезать уши всем, кому захочется поболтать. Исключение он сделал лишь для тех, кто желал исповедаться капелланам.

На следующее утро капелланы Генриха трижды отслужили мессу (береженого Бог бережет), и англичане заняли позиции, выстроившись примерно в том же боевом порядке, что и при Креси: тяжеловооруженная пехота по центру и два фланга лучников. У Шекспира Генрих произносит перед сражением речь, в которую вошли знаменитые слова об его маленькой армии – «…о горсточке счастливцев, братьев». Король также говорит: «И проклянут свою судьбу дворяне, что в этот день не с нами, а в кровати». Впрочем, на самом деле Генрих напомнил своим людям о том, что находится во Франции с целью истребовать свое законное наследство (имея в виду, что в этом споре на стороне англичан сам Господь), и, как утверждает хронист Жан ле Февр, призвал своих лучников стоять насмерть, предупредив их о том, что французы грозились отрубить пальцы каждому пойманному стрелку. Сомнительно, что лучники поверили в это, поскольку все знали о том, что незнатных пленных в любом случае убивали, не задумываясь, но, вполне возможно, слова короля вдохно-

[48] Вопреки расхожему мнению, Генрих произносит свою знаменитую речь – «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом…» – вовсе не перед Азенкуром. Судя по тому, что видно на экране, эти слова он говорит при осаде Арфлёра, имея в виду проломы в крепостных стенах города. Вот почему он добавляет, что в случае поражения «…трупами своих всю брешь завалим». [Пьеса Шекспира «Генрих V» здесь и далее цитируется в переводе Е. Бируковой – *Примеч. пер.*]

вили и раззадорили лучников, которые стали показывать французским рыцарям неприличные жесты и грозить пальцами, подстрекая врага к атаке. Генрих наверняка в душе молился о том, чтобы французы совершили ту же ошибку, что в Креси, и начали штурмовать превратившийся в гору грязи холм. Но те извлекли кое-какие уроки из истории и спокойно выжидали, надеясь, что обреченные англичане спустятся со своих высот и получат свое.

Но именно эта игра в ожидание и обернулась роковой ошибкой.

«Цвет Франции» затоптан в грязи

Часам к девяти утра 25 октября 1415 года, в день святого Криспина, Генрих, уже уставший от безделья, приказал своим лучникам начинать. И они на глазах у французов медленно спустились с холма, по грязи, с тяжелыми луками со стрелами и длинными деревянными кольями, остановившись всего в 250 метрах от врага.

Тут бы французам атаковать – лучшего момента и не придумаешь, так как лучники не имели ни лат, ни щитов, а громоздкие колья лишь стесняли их движения. Защищали этих ребят лишь шлемы из вареной кожи. Как отмечает один из очевидцев, французский солдат по имени Женан де Ваврен, англичане «даже останавливались несколько раз, чтобы перевести дух». Однако – возможно, из-за фиаско в Креси – французы держали своих арбалетчиков в арьергарде и потому упустили шанс обстрелять англичан. Более того, многие французские рыцари, заранее уверенные в победе, которую запланировали на вторую половину дня, отправились покататься верхом.

Заняв позицию для стрельбы, английские лучники соорудили так называемую рогатку из выставленных под углом кольев, после чего обрушили на передний фланг французских рыцарей шквал стрел, точно так же, как в Креси. Конница, по указанной выше причине, не досчитывалась многих рыцарей, но те, что были в строю, оказались перед выбором: ждать, пока стрела угодит в лошадь или пробьет шлем, или идти в атаку. И они пошли в атаку.

Невероятно, но с этой минуты сражение пошло чуть ли не по сценарию Креси. Французская кавалерия ринулась вперед, но была скошена градом стрел или попросту натыкалась на заграждение из кольев. Покалеченные лошади сбрасывали всадников, и те барахтались, беспомощные, в грязи, придавленные тяжестью собственных доспехов. Жить упавшим оставалось недолго, потому что теперь по их телам бежали в атаку пешие воины, а английские лучники все продолжали обстрел.

Почва в Азенкуре тяжелая и липкая. Я прошел всего несколько шагов по полю в легких туфлях, и они тотчас отяжелели вдвое. А если к этим оковам на ногах добавить железные доспехи, можно себе представить, каково пришлось французским тяжеловооруженным воинам: они двигались так, словно пробирались по зыбучим пескам. Мешало их мобильности еще и то, что они двигались очень тесным строем. Заметив это, с холма спустились новые отряды английских лучников и начали расстреливать французскую колонну с флангов.

К тому времени как французские тяжеловооруженные воины подошли к боевым позициям армии Генриха, они совершенно выбились из сил и почти ничего не видели: из-за постоянного обстрела им приходилось идти с опущенным забралом и смотреть на происходящее сквозь узкие щели.

Кому-то удалось прорваться сквозь линию обороны англичан по центру, но Генрих приказал лучникам закончить стрельбу и идти врукопашную. Теперь плотная колонна французов столкнулась с мобильными бойцами, которые могли свободно передвигаться, деревянными дубинками нанося смертельные удары по подмышкам и бедрам или просто сбивая с ног неповоротливых, закованных в железо солдат.

Вскоре, точно так же, как в Креси, поле было усеяно мертвыми или покалеченными французами, которые лежали, распластавшись на спине, похожие на раненых черепах. И

как всегда, аристократов оттащили, чтобы взять в заложники, а незнатных добили ударом мизерикорды в глаз, сердце или горло.

Главным вельможам пришлось хуже всех. Командир отряда, герцог Алансонский, схватился с самим Генрихом, который в этом бою потерял венец со своего шлема. Но герцога быстро окружили, и он снял с головы шлем и протянул перчатку в знак признания поражения, как это принято у рыцарей. К несчастью для него, какой-то англичанин увидел в нем легкую добычу и проломил голову герцога топором.

Герцог Брабантский, который опоздал, но не хотел пропустить сражение, не стал тратить время на то, чтобы облачаться в доспехи. Он бросился в атаку в одеждах герольда, его ранили, он попытался сдаться, и его просто убили, приняв за обыкновенного герольда.

Впрочем, не факт, что плен стал бы для герцога спасением. Когда речь заходит об Азенкуре (или Аженкуре), французов как раз шокирует не столько трагедия доблестных рыцарей, которые трижды поднимались в атаку и, утопая в грязи, упорно шли навстречу смерти, в точности повторяя ошибки Креси, сколько судьба пленных.

Данные о количестве взятых в плен французах в течение первых двух часов битвы разнятся, но французские источники говорят о 1500 человек. Сдавшись, они уже не могли вернуться на поле боя, так что, вероятно, очень надеялись на то, что отправятся домой, как только их родственники соберут с местного крестьянства достаточно налогов, чтобы заплатить за них выкуп.

Однако хозяин соседнего замка, некий Исамбар Азенкур, заслышав шум на дороге, вышел с толпой из шестисот местных жителей, чтобы отбить неохраняемые повозки англичан с награбленным в Арфлёре добром. Заметив эту атаку и опасаясь, что французские заложники, если их освободить, снова вступят в схватку, Генрих приказал каждому казнить своего пленника.

Этот приказ не встретил энтузиазма у солдат, которые завладели столь ценным трофеем и мысленно уже подсчитывали барыши, поэтому Генриху пришлось отрядить на выполнение этой задачи двести своих самых кровожадных и нечистоплотных лучников. Вскоре безоружные, а многие к тому же и связанные, французские джентльмены были зверски убиты – заколоты ножами или заживо сожжены.

Даже сегодня в каждом французском источнике, повествующем о той битве, угадывается ярость и возмущение этой кровавой расправой, хотя кто-то может и возразить: мол, у самих рыльце в пушку. Разве не эта страна с упоением гильотинировала своих аристократов в конце восемнадцатого века? Да, убийство пленных было дикостью со стороны короля, который мнил себя благородным рыцарем, и противоречило всем правилам ведения войны в пятнадцатом веке, но оно было совершено в тот момент, когда исход битвы был еще не до конца ясен. Хотя все определенно складывалось в пользу Генриха, в округе было достаточно много французских солдат, которые могли бы напасть на англичан с тыла или флангов и одержать победу. Или, что более разумно, дождаться, пока армия Генриха тронется в путь – а это было неизбежно, поскольку запасы провианта иссякали, – и пощипать ее по дороге в Кале.

Но французские хронисты говорят, что выживших в той битве «тошнило от кровавого месива» (а кто-то скажет, что их, лежавших в грязи, попросту воротило от ожидания, когда их прикончат ударом копья), и уцелевшие рыцари решили не атаковать противника. Многие развернулись и отправились восвояси – один из них, Жан, герцог Бретани, по пути домой вместе со своим бретонским отрядом устроил весьма непатриотичное шевоше по Северной Франции.

Войска Генриха переночевали в Мезонселе, а утром вернулись на поле битвы «прибраться». Как всегда, мертвых освободили от ценного оружия и украшений, раненых же

опрашивали на предмет того, значатся ли они в справочнике «Кто есть кто», и, если нет, присоединяли к списку убитых.

В целом французы потеряли около десяти тысяч, включая – опять – «цвет Франции» (кажется, у них было несколько букетов этих аристократических растений). Достаточно сравнить с английскими потерями: около трехсот человек, и среди них с десяток знатных имен.

Генрих и его измотанное войско с трудом преодолели восемьдесят километров до Кале, где многим солдатам удалось спустить все свои трофеи, заплатив грабительские цену за еду и питье. Генрих затребовал себе самых ценных пленников и погрузил их на корабли, чтобы везти в Англию.

Несмотря на бушующий шторм, все корабли благополучно добрались до английского берега, и уверенность Генриха в том, что Бог все-таки на его стороне, была сильна, как никогда. А как еще король мог объяснить полную, безоговорочную победу над элитной французской армией, одержанную потрепанной бандой английских простолюдинов, измученных дизентерией?

Чего не мог знать Генрих, так это что вскоре Англии предстоит схлестнуться с таким же, из низов, да еще фанатично верующим французским противником, который повернет вспять ход истории…

Глава 4
Жанна д'Арк как жертва французской пропаганды
Публичное сожжение французской святой, или Что на самом деле произошло в 1431 году

«Что касается леди Жанны, которую называют Девственницей, сегодня в Руане была прочитана проповедь, в то время как она стояла на эшафоте, чтобы все видели, что она в мужском платье, и были перечислены все беды и несчастья, которые она принесла христианскому миру… и упомянуты страшные грехи, которые она совершила или собиралась совершить, призывая простых людей к идолопоклонству, и они, обманутые, шли за ней как за святой девой…»

Кто-то скажет: типично тенденциозный, антифранцузский взгляд на Жанну д'Арк, также известную как Орлеанская ведьма.

Но на самом деле это перевод с французского статьи из парижской газеты «Журналь де Буржуа», хроники городских новостей и событий, издававшейся в период с 1405 по 1449 год. Причем анонимного автора, который явно не симпатизировал Жанне, нельзя назвать и проанглийским коллаборационистом. Чуть дальше, в этой же статье, он пишет, что его шокируют англичане, которые «сжигают тех, за кого нельзя получить выкуп, насилуют монахинь и едят мясо по пятницам», и язвительно замечает, что «англичане по природе своей драчуны, так и норовят повоевать с соседями, а потому всегда плохо кончают».

Современная Франция, безусловно, относится к Жанне д'Арк совсем по-другому. Ей в заслугу ставят победу в Столетней войне, «изгнание англичан из Франции», и воздают ей почести как героине: французский флот начала двадцатого века имел в своем составе боевой броненосный крейсер «Жанна д'Арк», а во время Второй мировой войны лотарингский крест (Лотарингия – родина Жанны) стал символом французского Сопротивления. Ее статус иконы был настолько силен, что вдохновил братьев Люмьер на создание в 1899 году фильма о Жанне – одного из самых первых фильмов в истории кинематографа. (Хотя можно себе представить, как тяжело было снимать немое кино о девушке, которая слышит голоса.)

Но, прежде всего, Жанну рассматривают как мученицу, жертву *les Anglais* (англичан), святую, которую в 1431 году жестокие английские захватчики сожгли на костре в Руане. В годы Второй мировой войны эту идею активно эксплуатировала пропаганда профашистского правительства Виши, и, когда союзники бомбили стратегические нацистские объекты в Нормандии, на улицах Руана появились плакаты с надписью: «Они всегда возвращаются на место своих преступлений».

Но, как это часто случается в подобных ситуациях, французы представляют совершенно искаженный взгляд на историю, когда речь заходит о Жанне. Если вам в руки попадутся современные французские источники с не столь романтическими оценками этой девушки, вы узнаете, что Жанне не только не удалось выбить англичан из Франции (в самом деле, как она могла это сделать, если к тому моменту уже была сожжена ими в Руане?) – к концу ее жизни в ней видели вредителя ее же собственный король и его военачальники. И, помимо всего прочего, она вовсе не была жертвой английской тирании – фактически, ее предали и обрекли на смерть именно французы.

Так, выходит, Жанна д'Арк жертва? Да, французской пропаганды.

Миссия Жанны: спасти дельфина

Жанна не была, как принято считать у французов, бедной пастушкой. Она родилась примерно в 1412 году в относительно благополучной крестьянской семье. Ее отец, Жак, владел участком земли площадью примерно двадцать гектаров и слыл уважаемым членом общины деревеньки Домреми в Северо-Восточной Франции, на границе Лотарингии и Шампани. Д'Арки делали щедрые пожертвования в пользу бедных, так что их вполне можно назвать зажиточным семейством.

Однако Жанна являла собой крайне редкий тип девушки: простолюдинка, мечтавшая спасти свою страну. И к тому времени, как в ее голове зазвучали первые патриотические голоса – году эдак в 1425-м, – Франция отчаянно нуждалась в герое освободителе.

После Азенкура король Англии Генрих V, многому научившийся у своих лучников, нанес смертельный удар по французам, пока они не успели оправиться от поражения. Он колонизировал Нормандию – повторив то же, что сделал Вильгельм Завоеватель с Англией, – высосал из нее не только деньги, но и все, чем она была богата. Ему удалось хитростью навязать безумному Карлу VI, королю Франции, унизительный договор, который лишал сына Карла, дофина[49], права на французский престол и гарантировал, что после смерти Карла трон перейдет к Генриху V и его наследникам. Чтобы скрепить эту сделку, Генрих женился на дочери Карла, Екатерине, и в медовый месяц воинственный английский король повез свою невесту на осаду одного из городов.

В ту пору Генрих усиленно разжигал пламя гражданской войны во Франции, объединившись с герцогом Бургундским против арманьяков (сторонников обездоленного дофина). Вскоре англо-бургундские армии уже оккупировали Париж и активно промышляли грабежами и брали в осаду города по всей Франции к северу от Луары. Генрих V лично принимал участие в сражениях и во время осады города Мо, к северо-востоку от Парижа, подхватил дизентерию и умер в 1422 году, прожив всего тридцать пять лет. Сын Генриха, как и положено, стал королем Англии и Франции под именем Генрих VI и продолжил семейную традицию – стал грабить и осаждать французские города.

Примерно тогда же англо-бургундцы разоряли Домреми, родную деревню семьи д'Арк. Угнали весь скот, сожгли церковь, и семье Жанны пришлось бежать в соседний город Нёфшато, чтобы не погибнуть от рук мародеров. И именно во время этого вынужденного переезда, в 1425 году, тринадцатилетняя Жанна впервые услышала голоса, которые призывали ее освободить Францию и посадить на трон дофина.

Три года Жанна слушала голоса и наконец ушла из дому вместе с одним из своих братьев, чтобы исполнить священную миссию. Однако своим родителям эта типичная шестнадцатилетняя девушка объяснила, что едет повидаться с кузиной, которая была на сносях.

Впрочем, себя Жанна не обманывала: она знала, что делает. Воспитанная глубоко религиозной матерью, которая не раз совершала паломничества к святым местам, Жанна, должно быть, искренне верила в то, что голоса идут от Бога, а не собственный разум подсказывает ей, что хватит терпеть англобургундских мародеров.

Жанна отправилась прямиком к местному капитану (должность наподобие шерифа), аристократу Роберу де Бодрикуру, и объявила, что послана Богом спасти Францию. Неудивительно, что он приказал своим слугам надавать тумаков этой «сумасшедшей» и отправить

[49] С 1350 года вплоть до 1830 мужские наследники трона назывались дельфинами, но вовсе не из-за особых способностей к плаванию, а лишь потому, что на их личном гербе рядом с королевской лилией красовались эти игривые морские животные.

ее домой. В конце концов, он увидел перед собой обычную крестьянку, и подумал, что мозгов и предприимчивости у нее вряд ли больше, чем у скотины на ферме ее отца.

Однако Жанна не сдалась. Она, похоже, обладала врожденной убежденностью в правоте своего дела, и ее слова о священной миссии нашли отклик в душах простых людей, которые отчаянно искали хоть какой-то знак, подсказывающий, что там, наверху, кто-то о них думает. Слухи о голосах в голове Жанны быстро распространились, и даже говорили, что она воплощает в себе пророчество мистика, Марии Авиньонской, будто «из Лотарингии явится девственница, чтобы спасти Францию». (Кстати, Жанна и сама наверняка знала об этом пророчестве.)

Надежда, угасшая за сто лет войны и чумы, возродилась в сердцах французов и теперь была связана с невысокой девушкой, носительницей великой идеи. Бодрикур наконец уступил давлению сторонников Жанны и выделил ей вооруженный эскорт, который сопровождал ее пятьсот километров пути до Шинона, где обосновался дофин.

К этому времени имя Жанны уже гремело по всей стране, и солдаты с радостью присоединялись к процессии. Юная дева превращалась в символ освободительного движения, и с каждым обретенным сподвижником в ней крепла уверенность в том, что Бог на ее стороне. Новость о скором прибытии Жанны дошла до дофина, который сомневался, что ему требуется «помощь» от кого-то, кто слышал голоса: его отец, если помните, был буйнопомешанным. Поэтому целых два дня он держал Жанну за стенами замка, где она томилась в ожидании официального приема.

Дофин нарочно прибегнул к этой тактике, чтобы показать выскочке-крестьянке, что звезда он, Карл, а вовсе не она. Впрочем, Жанна не замедлила показать себя в деле. Как только ей позволили войти в замок, случилось первое «чудо»: когда она проходила по подъемному мосту, один из стражников с едкой иронией произнес: «Это и есть знаменитая девственница? Клянусь Богом, если бы мне дали ее на одну ночь, она бы к утру перестала быть девственницей».

Жанна, должно быть, уже привыкла к таким «остротам», потому что в ответ сказала что-то вроде того, что опасно поминать имя Господа всуе, когда находишься на пороге смерти.

Позже этот стражник свалился в ров и умер. «Пророчество сбылось!» – кричали сторонники Жанны. «Кто из этих фанатиков столкнул меня?» – успел пробормотать умирающий стражник.

Те, кто верит в святость Жанны, приводят подробности ее первой встречи с дофином как еще одно доказательство ее божественной проницательности. Желая испытать девушку, дофин подстроил так, чтобы Жанна вошла в переполненную приемную, где ее приветствовал выдававший себя за принца человек. Без малейшего колебания Жанна отвернулась от самозванца и подошла к настоящему дофину, который стоял в толпе придворных, поцеловала его колени и обратилась к нему со словами «милостивый государь».

Чудо? Возможно. Но Жанне наверняка рассказали, как выглядит дофин: маленький рост, вывернутые внутрь колени, косящие глаза, срезанный подбородок. Учитывая то, что придворных, как правило, отбирали по признаку приятной наружности, распознать среди них дофина было не так уж сложно.

Чтобы проверить, действительно ли Жанна – девушка из пророчества Марии Авиньонской и послана Богом, а не дьяволом, дофин с помощью комиссии священников устроил ей допрос, а группа респектабельных дам должна была подтвердить ее девственность. Жанна сдала оба экзамена, и дофин, судя по всему, посчитавший искреннюю набожность и сексуальную неопытность достаточной квалификацией для военной карьеры, тут же приказал выдать девушке латы и шлем, выделил армию численностью 4000 солдат и отправил в Орлеан, который вот уже полгода находился в изнурительной осаде англичан.

Скептики, сомневающиеся в Жанне, и тут принялись чинить ей препятствия. Англичане стояли лагерем на северном берегу Луары, а французские командиры отправили Жанну на южный берег. Ей объяснили, что было бы желательно ее солдатам сопровождать лодки, доставляющие по Луаре провизию в Орлеан: осада не означала полную блокаду, скорее это была долгая и непрерывная атака. Поначалу придя в ярость оттого, что ей мешают сразиться с англичанами, Жанна все-таки уступила, и ее отряд вошел в город, где жители устроили им восторженный прием – и не только потому, что появление Жанны означало, что на столах опять будет вино. В сопровождении местной знати, при свете факелов, она прошла торжественным шагом по улицам, и толпы горожан рукоплескали ей как спасительнице. Празднество не омрачило даже то, что от одного из факелов загорелось ее знамя. Напротив, когда она быстро затушила огонь, это было воспринято как очередное чудо.

Кульминация всеобщего помешательства случилась, когда Жанна, в своем белом плаще, атаковала противника, закрепившегося в небольшом бункере за городскими стенами. Мало того что ее воины дрались так вдохновенно, будто Господь Бог и его святые посулили им победу, – сами англичане, наслышанные о Жанне, пришли в совершенный ужас. Либо ее направляли ангелы, рассудили они, либо она сама была ведьмой, посланной дьяволом.

Когда перепуганные англичане бросились наутек, в святость Жанны уверовали все французы. И с тех пор одного только ее появления на поле битвы было достаточно, чтобы обратить англичан в бегство; за неделю было одержано четыре победы, включая снятие осады Орлеана. Теперь даже самые отъявленные скептики из числа французских военачальников хотели иметь при себе Жанну в качестве талисмана.

Все это лишь разжигало огонь ее одержимости, и Жанна с еще большим рвением служила своему делу. Она продиктовала письмо дофину, напрямик сообщая ему о том, что собирается короновать его в Реймсе. Хотя этот город – столица шампанского, а стало быть, отличное место для послекоронационного торжества, дофин колебался. Возможно, он боялся, что окажется в тени Жанны или станет уязвимым как политик, если вдруг она будет дискредитирована. А что же Жанна? Она написала в Реймс, призвав жителей города готовиться к коронации. И наконец, под давлением толпы религиозных фанатиков, желающих вступить в армию Жанны, дофин согласился.

Коронация состоялась 17 июля 1429 года; правда, следует признать, что корону использовали ненастоящую – настоящая хранилась в соборе Сен-Дени, в пригороде Парижа, который контролировали англичане. Но даже несмотря на бутафорскую корону, для принца это было событие, о котором он еще недавно даже мечтать не смел. Вот он, король Франции Карл VII, официальный соперник фальшивого английского монарха, на гребне волны народной поддержки, и его армии побеждают захватчиков в одной битве за другой.

Но ему, наверное, казалось, что эту сияющую картинку портит единственное пятнышко – невысокая простушка в шелковом белом плаще, что стояла рядом и поглядывала на него с усмешкой, как будто его новый трон на самом деле принадлежал ей.

Сжигая мосты Жанны

Сразу же после коронации Жанна начала требовать у нового короля идти маршем на Париж и выбивать оттуда англичан и герцога Бургундского. Карл сомневался – речь шла о массированном наступлении, с чем не шли ни в какое сравнение одиночные сражения, в которых до сих пор участвовала Жанна – и, видимо, она не имела представления, что армию необходимо кормить и оплачивать, и никто не знал наверняка, сколько продлится осада.

Карл договорился о двухнедельном перемирии с Бургундией и пришел в ярость, когда Жанна написала открытое письмо гражданам Реймса, в котором заявляла, что «недовольна этим перемирием и не уверена, что будет его соблюдать».

После этого звезда Жанны начала стремительно закатываться. Ей все-таки удалось лестью склонить Карла к походу на Париж, но за ее спиной он не прекращал тайные переговоры с бургундцами, в то время как ее солдаты массово дезертировали из полуголодной и нищей армии. Жанна предприняла наступление на Париж, но была ранена стрелой в бедро, и ее, несмотря на протесты, унесли с поля боя. Чтобы отрезать ей путь к возвращению, Карл приказал сжечь подъемный мост.

Но Жанна все равно не сдавалась, и в мае 1430 года Карл послал ее в Компьень под Парижем, убедив в том, что этот город идеально подойдет для атаки на столицу. Жанна прибыла в Компьень всего с двумя сотнями солдат и обнаружила, что рядом стоит лагерем бургундская многотысячная армия. Любой другой догадался бы, что Карл отправил ее на безнадежное дело. Жанна не была бы Жанной, если бы отказалась идти в атаку, но, потерпев неудачу, она поспешила вернуться в город. Однако горожане подняли мост и отрезали ей путь к возвращению. Так же, как и Карл, они говорили ей «спасибо, не надо».

Она пыталась прорваться, но была захвачена в плен, после того как лучник (француз из Пикардии, северного региона Франции) стрелой сбил ее с лошади. При обычных обстоятельствах ей как простолюдинке попросту перерезали бы горло, но Жанну пощадили. В конце концов, она была другом нового короля, который непременно пожелает заплатить за нее огромный выкуп. Разве не так?

Французы бросают Жанну на произвол судьбы

Бывший дофин, коронованный как Карл VII усилиями Жанны и армии ее сподвижников, повел себя очень по-мужски, бросив ее сразу, как только получил то, что хотел. Наверное, это звучит грубовато, но все это очень похоже на правду. С момента пленения Жанны до ее казни, случившейся годом позже, Карл и пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь.

И кстати, вопреки укоренившемуся среди французов мнению, ее страдания были делом рук французов, а не англичан (хотя англичане и выполнили самую грязную работу в финале драмы).

Поначалу Жанну держали в плену у местного предводителя бургундцев, Жана де Люксембурга, который, несмотря на свое имя, был французом, родом из Пикардии. Жан, видимо, рассчитывал получить щедрый выкуп за знаменитую заложницу. Но его ожидания не оправдались: вместо предложения о выкупе он получил декларацию от (французского) архиепископа Реймса, Рено де Шартра, о том, что в Лангедоке отыскали пастушка, который заменит Жанну в роли божественного посланника.

Затем последовал запрос от Инквизитора Франции, Мартена Биллори, который требовал передать Жанну духовенству для проведения судебного процесса на том основании, что она совершила «страшные грехи против святой веры» и привела к гибели «простых христиан». Вот вам и француз, который хотел бы сжечь Жанну как еретичку, и от этой участи ее спасло лишь то, что Инквизитор забыл предложить выкуп.

Тем временем еще один французский священник, Пьер Кошон, епископ Бове (пригорода Парижа), упрашивал герцога Бургундского позволить ему попытать Жанну (в юридическом смысле, разумеется). Не получив ответа, он начал надоедать герцогу Бедфорду, регенту Генриха VI Английского, убеждая его в том, что Жанна «принадлежит» англичанам и они должны судить ее за ересь. Или же пусть дадут ему, Кошону, разрешение сделать это от их имени.

Бедфорд вовсе не испытывал симпатий к Жанне, которая сначала лишила его Орлеана, а потом забрасывала злопыхательскими письмами, хвастая, будто «послана Царем Небесным вышвырнуть его из Франции», и угрожая, что он, если не отправится домой, в Англию, «будет иметь дело с Девой, и тогда ему не поздоровится».

Бедфорд заплатил выкуп в размере 10 000 турских ливров (фунтов серебра) – примерно десять процентов своего годового дохода, – и Жанну, крепко связанную, передали англичанам. Вот так будущую святую покровительницу Франции соотечественники продали врагу.

Однако англичане были всего лишь ее охранниками, но не обвинителями. Кошон так стремился стать инквизитором Жанны, что бросился подавать прошение о наделении его соответствующими полномочиями в епархию Руана, где должен был состояться процесс. Вторым судьей он назначил своего приятеля, враждебно настроенного к Жанне, Жана ле Мэтра, который носил устрашающий титул викария Инквизитора по делам ереси.

Обвинений против Жанны накопилось много, около семидесяти, и самых разных: колдовство, богохульство, ведение боевых действий по воскресеньям и самое страшное – ношение мужской одежды. Все они тянули на смертную казнь. Жанна, хотя и была слишком юна и по-прежнему убеждена в том, что выполняла Божью волю, наверняка трезво оценивала свое положение и сознавала, что у нее нет никаких шансов на оправдательный приговор.

Тем не менее она вдохновенно защищалась все время процесса, который длился несколько месяцев. Из Парижского университета специально привезли профессоров теологии, которые пытались загнать ее в угол своими коварными вопросами. Так, Жанну спросили, считает ли она, что находится в состоянии благодати Божьей. Положительный ответ был бы истолкован как богохульство, поскольку только Богу известно, кому даровано состояние благодати, в то время как отрицательный ответ сочли бы признанием в смертных грехах. Но Жанна ответила: «Если я не нахожусь в состоянии благодати, да дарует мне его Бог, а если я лишена благодати, да утвердит меня в ней Бог». Она попала в точку: это было равносильно тому, как если бы обычный парнишка увернулся от удара олимпийского чемпиона по боксу, а потом опрокинул бы того на пол встречным хуком.

Жанна ловко ушла от вопроса о том, только ли она слышала голоса и видела ангелов или же чувствовала их запах и прикасалась к ним. Казалось бы, вполне логическое продолжение ее дара, но ответ «да» означал бы признание в идолопоклонстве, что само по себе считалось смертным грехом, ведь божественное можно было только «смотреть и слушать, но не прикасаться». Жанна настолько грамотно формулировала ответы, была настолько осторожна в своих высказываниях, что временами казалось, будто у нее есть шанс избежать смерти.

Как ни печально для Жанны, но французы обожают интеллектуальные дебаты, и уж одну тему судьи никак не хотели оставлять без внимания: это мужская одежда Жанны, хотя она и объяснила, что надевала ее, чтобы вести священную войну. В те времена считалось непристойным, чтобы женщины носили доспехи. Это шокировало так же, как если бы современную армию возглавлял трансвестит в платье[50].

В Средние века смертным грехом считалось для женщины коротко стричь волосы, надевать шлем и воевать – ее участие в войне ограничивалось ролью жертвы изнасилования и/или убийства.

Есть мнения, что Жанна любила носить мужскую одежду, потому что была лесбиянкой. Я слышал и такую версию, будто у нее были большие груди и она изнывала от сексуальных домогательств со стороны мужчин. Впрочем, какими бы соображениями ни руководствовалась Жанна, одно можно сказать наверняка: к началу суда она так боялась быть изнасилованной (английскими) тюремными охранниками, что отказалась сменить свои штаны на юбку. Однако охранники, хотя нам это и покажется дикостью, сами, похоже, остерегались прикасаться к одетой в мужские одежды девице – вдруг она и впрямь ведьма или сам дьявол?

Судьи знали о страхах Жанны и с их помощью пытались загнать ее в ловушку; они предложили сохранить ей жизнь и перевести в религиозную тюрьму, подальше от ее охранников, если только она признается в своих грехах и переоденется в женское платье. Жанна,

[50] Хотя форму швейцарских гвардейцев Папы уж никак не назовешь мужской.

которая все еще верила в то, что Бог изгонит англичан из Франции и восстановит на троне ее доброго друга Карла VII как законного короля, согласилась на сделку, нисколько не сомневаясь в том, что выйдет на свободу, как только политический маятник вновь качнется в сторону Карла.

Церемония – возможно, та, которая упоминалась в парижской «Журналь де Буржуа», – состоялась на Руанском кладбище, где Жанна, впервые за последние два года надевшая платье, публично подписала признание – или скорее поставила крестик, поскольку в тюрьме образования не давали, а писать она не умела.

Но и тут французы ее предали. Как только она подписала документ, ее вернули в ту же тюрьму, все к тем же охранникам, потенциальным насильникам. Ужаснувшись, она снова надела штаны, к несказанной радости судей, которые поспешили объявить ее «закоренелой еретичкой» и приговорили к сожжению на костре на рыночной площади Руана.

Тридцатого мая 1431 года Жанну, обрив ей голову, провели по улицам города, мимо улюлюкающей (французской) толпы, и судьи, когда ее доставили на место казни, отказали ей в утешении принять смерть с распятием. Кто-то из английских солдат вынул два сучка из приготовленного для костра хвороста и, сложив их в виде креста, подал ей.

Французы по сей день шутят, что Жанна – это «единственное блюдо, которое англичане правильно приготовили, да и то пережарили». После того как огонь погас, экзекутор сгреб золу, чтобы достать сожженное тело и доказать толпе, что Жанна и впрямь была женщиной. Парижская «Буржуа» пишет, что «открылась ее нагота, а с ней и все секреты, которыми обладает женщина… Когда толпа увидела все, что хотела, экзекутор снова разжег огонь, и пламя поглотило жалкий скелет».

Да, англичане виноваты в том, что Жанну д'Арк казнили. Они сожгли ее, а потом сожгли еще раз, для верности. Но кто постарался, чтобы она закончила свою жизнь на костре, так это французы, которые сотрудничали с английскими захватчиками. Короче говоря, французы заставили англичан сделать грязную работу, а все последующие 500 лет упорно это отрицали. Но голая правда этой истории заключается в том, что Франция погубила свою будущую святую покровительницу лишь за то, что та носила штаны. А это, пожалуй, камень в огород пресловутого французского стиля.

Франция – побитая, но не побежденная

После казни Жанны Столетняя война пошла на спад, и англичане постепенно сдавали свои позиции.

Французы наконец достигли мастерства английских лучников, только в использовании нового оружия – пушек. Англичане имели на вооружении пушки, но они чаще использовались скорее для создания шумового эффекта: так, еще в Креси, пушечные залпы, говорят, пугали французских лошадей (еще одно оправдание). К середине 1400-х годов французские артиллеристы научилась прицельно стрелять, и любому, кто намеревался взять в осаду город, следовало готовиться к тому, что его лагерь подвергнут бомбардировкам горячим свинцом. Как и следовало ожидать, это остудило пыл английских мародеров, промышлявших в поисках легкой добычи, и золотой век для любителей шевоше закончился.

Некий сэр Джон Фальстоф – вдохновивший Шекспира на создание образа Фальстафа – попытался найти поддержку для организации ежегодных сезонов шевоше с июня по ноябрь. По его плану два отряда численностью 750 человек каждый должны были отправляться на другой берег Ла-Манша на лето и осень, чтобы жечь дома, уничтожать урожай, скот и крестьян, тем самым обрекая Францию на голод. Но к этому времени шевоше уже исчерпали себя, и желающих подхватить эту идею не нашлось.

Французы отвоевали Париж и Нормандию, а вскоре и Аквитанию, где у англичан были традиционно сильные позиции. 19 октября 1453 года капитулировал Бордо, и англичане наконец были изгнаны из Франции – пусть не Жанной, но она это предсказывала.

И, как только война окончилась, французы стали спешно хоронить неприятные воспоминания. К великому раздражению Карла VII, народ продолжал грезить Жанной д'Арк, и многие утверждали, что она жива. Родные братья Жанны мотались по Франции с женщиной, которая выдавала себя за Жанну, и собирали «пожертвования» в ее пользу. Справедливый аргумент, выдвигаемый Карлом: «Если она жива, тогда что же вы все ноете?», – не находил понимания, и, уже не в силах откладывать неизбежное, спустя несколько лет он все-таки удостоил Жанну посмертного пересмотра дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.